

ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ
криминальная мелодрама

ЕЛЕНА МОУСЦЕВА

Елена Моисеева

Завтра не наступит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804950

ISBN 9785447460334

Аннотация

Как жить дальше, если тебе просто не хочется? Как не сойти с ума, если твой парень мертв, но перед тобой его двойник? Как не потерять саму себя в жестоком мире мужчин вне закона? Мир рушится на глазах, угрожая потянуть тебя за собой, и главное – не совершить ошибку, выбирая между двумя мужчинами с повадками хищников. Серия: Апокалипсис 90-х. Книга первая. Криминальная мелодрама.

Содержание

Глава 1. Чистилище для души	5
Глава 2. Расплата за грехи	50
Глава 3. Тени будущего	95
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Завтра не наступит

Елена Моисеева

© Елена Моисеева, 2019

ISBN 978-5-4474-6033-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора P.S.: Героиня не имеет с автором ничего общего, все события вымышлены, либо основаны на событиях, произошедших у людей, чьи имена я не распространяю. Образы героев собирательные. Имя главной героини и автора совпадают только потому, что это первая книга автора и писать от себя таким образом гораздо легче.

«Есть два пути избавить вас от страдания: быстрая смерть и продолжительная любовь».

Фридрих Ницше

Глава 1. Чистилище для души

Я всегда думала, когда мне исполнится восемнадцать, я все и всегда буду решать сама. По крайней мере так говорил мой отец, когда мне только стукнуло шестнадцать. В ответ на заявление, что я буду ночевать у подруги. Он так и сказал: «Дождись совершеннолетия, а потом выдвигай условия». Правда понервничать ему пришлось еще до этой знаменательной даты. Я влюбилась бесповоротно и, что не так часто бывает, взаимно. Лешка был старше меня на полгода и к моменту нашего знакомства через шесть месяцев должен был уйти в армию. Я за молодостью лет не особо волновалась по этому поводу. Через месяц нашего знакомства, я уже не могла без него ни есть, ни спать, и даже дышалось мне с трудом. Лешка, как и я, летел ко мне на крыльях и любое свободное время проводил со мной. Мне иногда приходила в голову мысль, что он намного старше меня – для своего возраста он мыслил четко, слажено, по-взрослому. Лешка любил говорить, что его будущее – это финансы. Я верила и во всем с ним соглашалась. Трудно было не согласиться, зная, что его отец начальник финансового отдела крупного процветающего мебельного предприятия. Мой отец тоже был выходцем не из простого народа, и именно поэтому мне не была понятна откровенная неприязнь моего отца к моему парню. По началу, мы с Лешкой по наивности, не иначе, ре-

шили, что все дело в моем малом возрасте, что отец попросту боится за мою девичью честь, которая, кстати сказать, была не тронута. Я даже допускала такую мысль, что отец попросту не хочет, чтобы Лешка мешал моей учебе. К слову говоря, до появления Лешки в моей судьбе я все свое сознательное детство училась и весьма в этом преуспела. Как только в нашей стране прошел закон об обучении экстерном – папа сделал все возможное и невозможное, чтобы я попала в эту программу. Мой отец умел добиваться своего и к 15 годам я была студенткой первого курса областного крупного института. Поэтому версий неприязни к моему парню было две. Может отец боится, что я брошу учебу?

Лешка как настоящий мужчина решил поговорить с моим отцом и объяснить, что его намерения, гораздо серьезнее, чем тот предполагает.

Чем закончился тот разговор я так и не узнала. Лешка резко прервал мои расспросы и сказал, что мы прекрасно обойдемся и без родительского благословения. Но проще сказать, чем сделать. Мне по-прежнему было семнадцать и ждать нужно было целый год, для того чтобы расписаться без согласия родителей, вернее сказать именно папы, так как мама всегда и во всем принимала его сторону.

Даже маленькое счастье не может длиться вечно. Я глупо надеялась, что Лешка воспользуется связями своего отца, и армия ему не светит. Ни мои мольбы, ни всякого рода ухищрения не подействовали на Алексея. Он считал, что

защищать Родину обязан каждый мужчина, так его воспитал отец. Я почти смирилась с этим фактом и приготвилась ждать. Но условие Леше, я все-таки выдвинула: он должен стать моим до конца, еще до армии. Лешка любил меня, поэтому его сопротивление я сломила за три дня до его проводов. Он был нежным и ласковым, наша любовь была больше похожа на сказку, чем на реальность.

Полгода в «учебке» и мой любимый в отпуске, всего на неделю, половину из которого ушла на дорогу туда и обратно. Мне уже исполнилось восемнадцать, в первый же день отпуска он сделал мне предложение, и мы, не откладывая, написали заявление в местном ЗАГСе. Через три месяца должен был быть еще один отпуск. Но в ночь перед его отъездом обратно, он сказал мне самую страшную новость, которая и сейчас звучит как приговор:

– Меня отправляют в Чечню.

Шел март 1995 года. Три месяца назад президент подписал указ о введении войск на территорию Чечни (приказ Б. Ельцина №2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики» – *прим. автора*). Даже мне, девчонке далёкой от войны были известны сводки, которые гоняли по новостным каналам с горячих точек – штурм Грозного только в первый месяц обошелся нашей стране в семьдесят пять убитых молодых мальчишек, примерно столько же пропало без вести, около сотни попало в плен. А это только

один месяц войны.

Я умоляла его на коленях воспользоваться связями его отца, хотя бы для того, чтобы отслужить оставшиеся полтора года здесь, в России.

– Я не буду отсиживаться здесь, когда там гибнут наши.

Он был непреклонен во всем: в своей любви ко мне, в своих ощущениях и в своих взглядах на эту жизнь. Судьба не любит таких людей, и она заставляет их прогибаться под себя, или... Через три месяца я стала счастливой обладательницей диплома о высшем образовании, закончив институт также, как и школу экстерном. А еще через месяц на Лешку пришла похоронка.

Я не помню эти полгода после – как и чем жила, что делала, как вообще выжила и почему. И вот мне почти девятнадцать и ничего не изменилось. Все и всегда решает мой папа.

– Ты поедешь, я сказал! – крикнул отец, в очередном приступе гнева.

Я скрестила руки на груди и неожиданно для себя сдалась.

Собирая в своей комнате какие-то свои пожитки, от слез я просто не видела, что кидаю в сумку, я шумно шмыгала носом, и последний раз кинула взгляд на фотографию любимого. Любимого, который никогда не будет со мной, никогда не будет моим мужем... Интересно, что стало с заявлением в Загсе, которое мы подали в его отпуск? Никогда, потому что война в Чечне, отобрала этот шанс, шанс на сча-

стье, и просто его жизнь...

Я судорожно вдохнула в себя воздух, часто замигала, прогоняя рвущееся из груди очередные рыдания, и, взяв сумку, прошла в коридор, где меня ожидал отец и расстроенная мама.

– Я готова, – сказала я только потому, что нужно говорить, чтобы не расстраивать мать, показать, что я живая, а не холодный труп, не говорящий и не двигающийся как в последние полгода.

– Лена, пойми нас, мы любим тебя, но тебе необходимо уехать... чтобы жить, жить дальше. Ведь ты жива, жизнь продолжается.

Я попыталась улыбнуться, но получилась кривая ухмылка... Почему до сих пор я живу?

– Да, – я подтверждаю все, что они захотят слышать, лишь бы не слушать их наставления о смысле жизни, который для меня исчез.

В уши отдавал стук пульса: после его смерти, мне почему-то казалось, что это бьется его сердце, вместо моего, а мое сердце осталось там, где-то в горах Кавказа. Когда я понимала всю бредовость мысли, я представляла, что не слышу удары своего сердца. Ведь оно не могло быть предателем. Я хотела именно этого, чтобы оно остановилось...

Через несколько часов, я заходила в свою новую квартиру, которую нашли мои родители в городе по соседству

от нас. Для отца и это не было проблемой. Я уже давно привыкла, что для моего властного папочки неразрешимых проблем не бывает, бывают только неприятные решения. Город был большим, для меня даже слишком большим, но это даже к лучшему, я спокойно затеряюсь здесь, здесь не будет достающих жалостливых глаз...

Мне не позволили взять ничего, связанное с ним, но я все-таки ухитрилась тайком захватить его первый подарок, банальный, но самый дорогой – маленького плюшевого коричневого мишку, который говорил «я люблю тебя»...

«У меня есть подарок для тебя...» – я слышала его голос до сих пор. Я с усилием вытащила себя из воспоминаний, слишком больно. Я позволила все – чтобы они выкинули меня из дома, из города, купили новую, чужую мне квартиру и отняли всю мою жизнь, связанную с ним. Я позволила это только потому, что у меня не было больше сил сопротивляться их натиску. И по большому счету, мне уже было все равно.

Через неделю я освоилась, нашла работу в небольшой компании по своей профессии дизайнер. Работать я устроилась не потому, что надо было на что-то жить, а потому что нужно было на что-то умирать. Да, именно эта цель крепко засела в моем мозге. В коллективе меня окрестили двумя разными прозвищами: робот и привидение, но мне было все равно. Я просто работала и ни с кем не общалась. Хотя желающих познакомиться со мной, особенно мужского пола,

было предостаточно, но интерес пропадал после моих односложных ответов на вопросы и моего не живого в прямом смысле взгляда. В наш век нельзя быть такой. Но нужно ли повторять, что меня это уже не трогало.

Моя коллега по работе, которую звали Вика, была единственной, кто относился ко мне нормально, не считая меня ни роботом, ни приведением. Мы сидели в одном кабинете, наши столы тоже находились рядом. Она единственная с кем я поддерживала разговор.

Заканчивался очередной день, и я с нетерпением ждала, когда же я окажусь в спасительной тишине.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь, повеселимся?

Я вздрогнула, сразу даже не поняла, что вопрос адресован мне, настолько разными были полярности – я и веселье.

– Это ты ко мне обращаешься?

– Ну, в общем, да, – у Вики было одно преимущество, которого не было у меня – настойчивость, несмотря ни на что.

– Нет, Вика, извини, у меня другие планы, – сказала я и погрузилась в однообразный мир компьютера.

– Какие планы?! Опять сидеть дома и умирать? – в ее голосе неожиданно прозвучали стальные нотки.

Я уставилась на нее. Ах, да, в один из дней я на автомате рассказала ей про себя, причем все, даже не знаю, как это получилось, наверное, это был один из таких дней, когда молчать уже не можешь и нужен случайный попутчик. Вот таким попутчиком по жизни оказалась Вика.

– Я не прошу меня спасти... Вот черт, – я не могла ее обидеть, слишком добрая, слишком хорошо знаю, что такое боль, – Что ты предлагаешь? – последние слова я даже не сказала, а прошептала, в надежде, что она меня не услышит и отстанет, наконец.

Но она услышала.

– Кафе.

– Однозначно нет.

– Клуб.

– Ты издеваешься!?

– Хорошо, ко мне домой.

Я на секунду призадумалась.

– Ты от меня не отстанешь, да? – я просто желала, чтобы она отвязалась, но не хотела говорить это напрямую.

– Нет, – весело ответила Вика.

– Из всех предложенных вариантов менее болезненным выглядит твой дом.

У Вики на лице было выражение триумфа и ликования, она довольно кивнула головой, и оставшиеся полчаса рабочего дня я в пол уха слушала наши планы на вечер. Я честно говоря, не понимала, с чего она решила записать меня в свои подруги, но и не особо стремилась это понять, плывя по течению.

В первый раз за весь рабочий период, когда стрелки часов подошлись к пяти, конец рабочего дня, я пожалела, что работаю не круглосуточно.

Мы потащились к ее машине, через 15 минут были уже у нее дома. Сначала мы посмотрели какой-то тупой боевик, причем Вика вздыхала и охала каждый раз, когда видела главного героя. Потом мы поели, и она включила какую-то «умопомрачительную», по ее словам, комедию. Через час ее продолжительного хохота, и могу сказать местами хохота специального, у меня разболелась голова, я приготовилась страдать дальше, как над самым ухом у меня кто-то произнес:

– Да, Вика, у тебя точно что-то с головой, ты же видела эту комедию не одну сотню раз? – мужчина, стоявший позади меня, тихо смеялся.

Любая другая на моем месте подпрыгнула бы от неожиданности, я же даже внимания не обратила на вошедшего, не оглянулась и не поздоровалась. Мне было все равно, к черту правила приличия, я не заставляла тащить себя сюда. Зато подпрыгнула Вика.

– Ян, ты же должен был быть на работе? – охнула она и мельком взглянула на меня.

Чувствовалось, что парень с таким редким именем ухмыляется.

– Я, конечно, догадывался, что я надоел тебе до чертиков, но все-таки надеялся, что не до такой степени, – он не уходил, я чувствовала его дыхание надо мной.

– Кстати, это мой брат, – мельком, как о чем-то несущественном сказала мне Вика.

– Извините, девочки, что помешал вашему скромному девичнику, я не специально.

На этом моменте моему терпению пришел конец, я вскочила с дивана и, даже не глядя на пришедшего парня, пролетела в коридор, в спешке обулась и выбежала на улицу. Прекрасно понимаю, как выглядит мое поведение. Но не принужденной беседы не получится. Ох, я не ожидала, что так темно... На заднем плане что-то умоляющим голосом кричала Вика, но я даже не слушала, мне просто стало плохо. Ну, неужели я много прошу, всего лишь тишины и покоя, я не хочу ни с кем разговаривать, ни с кем дружить, я просто не хочу жить.

Тишина сердца моего любимого... Тишина моего сердца...

– Эй, с тобой все в порядке? – похоже парень выбежал за мной. Я так и не оглянулась.

– Да, – буркнула я себе под нос, но он услышал.

– Может тебя подвезти?

– Не думаю.

– Слушай, я же тебя не съем. Пошли хоть чаем напою или кофе?

Я продолжала молчать, хотелось, чтобы он исчез и мой вечер перестал быть похож на балаган в цирке.

– Хм... цианистого калию?

Именно эти слова вывели меня из коматозного состояния, и я посмотрела на него.

Лучше бы я этого не делала. Лучше бы, не поворачиваясь, ушла.

Это не могло быть правдой, но передо мной стоял не Ян, а он, тот, кого я оплакивала уже полгода, только голос был чужим, а все остальное... волосы, улыбка...

Первое, что захотелось сделать, это бросится в его объятия, целовать такое родное лицо и шептать: «Лешенька, любимый!». Когда я закашлялась, то поняла, что забыла дышать.

– Что? – неужели это мой голос, и неужели я еще не в спасительном обмороке.

– Извини, – сказал Ян, – Я просто не знал, как еще до тебя достучаться, вот и брякнул первое, что пришло в голову.

Прямо в точку. Парень, ты экстрасенс.

– Со мной что-то не так? – вдруг спросил он.

– Почему ты спрашиваешь? – я все-таки определенно не узнаю свой голос.

– Ты смотришь на меня как на привидение.

Опять в точку. Только как объяснить незнакомому парню, мистически похожему на мою погибшую любовь, что даже за его призрак я готова пожертвовать своей жизнью? Для начала я опустила глаза вниз. Не смотреть, нельзя, иначе голова идет кругом. Господи, почему ты так похож на него? Я собрала с силами и ответила:

– Это просто у меня мозги набекрень, не обращай внимания.

Наконец-то у меня хватило сил отвернуться и пойти в сторону остановки.

– Девушка, автобусы в это время не ходят, давай подвезу.

Ага, если я сяду в твою машину, то окончательно свихнусь. Только не это.

– Давай.

Неужели я это сказала? Может, я уже не совсем здорова.

Я сказала свой адрес и сделала вид, что смотрю в окно машины. На самом деле я рассматривала его. Это не могло быть правдой! Это не мог быть он. Но чем больше я рассматривала его, тем больше понимала, что схожу с ума. Я отчаянно цеплялась за здравый рассудок, примечая все несовпадения: голос, манера двигаться. Парень в основном молчал, но тоже поглядывал на меня. Представляю, какое впечатление я произвожу своим поведением! В одно мгновение он пристально посмотрел на меня, и я увидела еще одно отли-

чие: глаза, у него глаза другого цвета. У Лешки были голубые глаза, а у Яна они золотисто карие. Слава Богу! Я не сошла с ума. Или уже сошла, потому что мозг отказывался адекватно воспринимать информацию – предо мной сидел Лешка.

– Так и будешь молчать? – спросил он, не отрывая глаз от ночной дороги.

– Меня Лена зовут.

– Ну, слава Богу, а то я подумал, что ты меня испугалась, – парень явно не шутил, это я определила по его вздоху облегчения. Так вот какое было его впечатление обо мне.

– Просто я не способна сейчас на общение, – тихо произнесла я.

– Личная драма? – поинтересовался он.

Да кто ты такой, черт тебя подери, что так умело вторгнешься в мою душу! Может я сплю или я попала в параллельный мир, где Лешка вовсе не Лешка, и он жив и здоров?

Видно мой мысленный вопль был слишком громким, потому что Ян неловко извинился, и в машине снова наступила тишина.

Когда мы подъехали к моему дому, он неожиданно приблизил ко мне свое лицо и на одном дыхании выпалил:

– А ты красивая.

Это было слишком для моего изнуренного мозга, созна-

ние начало куда-то уплывать, его лицо превратилось в смазанную маску... Я видела Лешку, любимого, единственного Алешеньку, с его мягкой, все понимающей, улыбкой.

Я не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от медленного осознания, что парень напротив меня не Алексей, и что я до сих пор сижу в его машине и мой взгляд, да и общий вид, оставляют желать лучшего.

Ян был растерян, и я его понимала, но что я могла сделать!

– Прости, – пискнула я и неожиданно разрыдалась, прекрасно понимая, что окончательно и бесповоротно закрепила за собой репутацию сумасшедшей.

– Так, – протянул Ян, – Все понятно, ты не в состоянии адекватно реагировать, да? Что я не так сделал, а?

Я не ответила, ну, что я могу сказать? Я вышла из машины и бегом поднялась к себе в квартиру.

Сон, в который я погрузилась, был тяжелым. Где-то к четырем утра у меня поднялась температура и я поняла, что я не работник. В восемь я позвонила на работу, а потом к врачу. Я была рада быть дома. Не нужно будет ничего объяснять любопытной Вике, да и общаться с людьми сейчас хотелось меньше всего. Может через пару дней я забуду, что существует его двойник. Я тут же усмехнулась абсурдной мысли – мне этого не забыть.

Я включила телевизор, впервые за время моего пребывания здесь. Родители вообще оснастили мою квартиру все

необходимым, наверняка думая, что решение бытовых проблем облегчит мне жизнь – они ошиблись. Я автоматически щелкала каналы, стараясь ни о чем не думать.

Через час моего унылого времяпровождения раздался звонок в дверь.

Я, наскоро накинув халат на сорочку, которую я опять напялила после душа, пошла открывать.

В дверях стоял Ян. При дневном свете я увидела еще одно отличие: парень был несколько крупнее Лешки. Сумасшествие во мне крепло. Я же ушла, почему ты преследуешь меня?

Наверное, моя челюсть валялась где-то на полу, так как парень смущенно улыбнулся и начал перетаптываться с ноги на ногу.

Я очнулась.

– Проходи.

Зачем я его пригласила? Зачем растягиваю себе адовы муки? На что надеюсь?

Мы прошли в зал, я уселась на диван, а Ян продолжал стоять.

– Прости меня за вчерашнюю настырность, – услышала я его голос, – Мне Вика вчера все рассказала, когда я приехал, я сожалею...

Что-о-о?! Да как она могла! Я же не просила!

Меня прорвало, моя боль, обида, гнев и что-то, наверное, еще, что искало выхода уже полгода, дали о себе знать.

– Рассказала?!? – я вскочила с дивана, – ЧТО она могла тебе рассказать! Она могла рассказать тебе про боль и отчаянье? Или быть может она смогла рассказать тебе про мои сны, где он все еще жив? Или про, то, что я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ!

Или про то, что ты чертовски на него похож!

Этого я не сказала, мое дыхание перехватило, я плюхнулась на диван и закрыла лицо руками. У меня не было сил даже плакать, руки мелко подрагивали.

– Я понимаю, – с болью в голосе произнес Ян, именно эта боль в его голосе заставила меня посмотреть на него, не может быть, что он так сопереживает.

Мне хотелось зарычать, завывать, убить его в этот момент, а еще спросить, ЧТО он понимает. Друзья Лешки тоже сочувственно говорили те же слова, а сами в этот момент отводили взгляд, благодаря небесные силы, что не они оказались в цинковом гробу.

– Я был там, – продолжал Ян, – Извини, но я вернулся живой, зато оставил там много друзей...

Первое, что подумала: сумасшествие прогрессирует. Наверное, нет никакого Яна, и все это мне кажется, ведь не бы-

вает таких совпадений!

Но глядя на него, мне захотелось чем-нибудь себя стукнуть за свой язык и за умение все усугублять. Я ненормальная, да. Он тут причем?

Ян не смотрел на меня, но я чувствовала, как ему трудно говорить.

– Прости. Я не знала, я...

– Все в порядке. Я пережил это, и теперь хочу помочь тебе.

Я аж подпрыгнула. Только психолога в его лице мне не хватало!

– Нет! – выдохнула я со всей силой.

Ян ринулся ко мне через всю комнату и схватил меня за руки.

– Позволь мне помочь тебе.

– Нет, – снова произнесла я.

– Мне это тоже нужно, быть кому-то нужным, – и посмотрел на меня пристально и в тоже время как-то просительно. Эти слова дались ему очень нелегко. А мне... Я уже повязла, отпустить его я уже не могла, искушение видеть образ Лешки рядом со мной было сильным, мучительным, хоть и приносило боль.

Я сдалась, плюнула на приличия, на хоть какое-то ни было благоразумие. И как результат – почти два часа я прорыдала на плече у Яна, а он крепко обнимал меня, как раз то, чего мне так не хватало в эти полгода.

Наверное, я уснула. Потому что единственное, что я помню так это руки Яна, укрывающие меня пледом и его глаза, нежно на меня смотрящие. Он все понимал, все кроме одного, что я вижу в нем совершенно другого человека.

Прошло три месяца, а Ян практически не отходил от меня. Мы разговаривали и разговаривали... Мне казалось, что он знает обо мне уже все, что только можно знать. Каким-то непостижимым для меня образом, мой словесный поток не истекал, я то смеялась, то плакала. Полгода молчания и хаоса в моей душе не прошли гладко.

Ян уходил вечером и возвращался утром. Мы ни о чем не договаривались, он просто понимал, что в этот момент мне нужен близкий человек рядом. А я с горечью осознавала, почему именно его подпустила к себе. Но ничего не могла с собой поделаться.

Четвертый месяц жизни в чужом городе для меня был как озарение, я очнулась от мерзкого непроглядного сна, я начала видеть, слышать и осознавать все острее, ярче, я перестала прятаться от боли. Я подпустила ее к себе. Иначе я просто умру и мой призрак уже никогда не явится мне там, за непроглядной тьмой. Пора все-таки заинтересоваться, кто же такой Ян на самом деле.

В десять он был у меня.

– Здравствуй, – просто сказал мне он и проследовал на кухню с пакетом продуктов. Как-то не заметно за эти три

месяца Ян взял на себя заботу о моем питании.

Он что-то там напевал себе на кухне, я решила спросить:

– Ян, извини, что не поинтересовалась раньше, но кем ты работаешь?

Подозрительная тишина заставила меня подняться и проследовать на кухню.

Ян стоял бледный, однако, заметив мое присутствие, весело улыбнулся. Уж слишком весело.

– Я уволился, чтобы все дни проводить только с тобой, – это было настолько явной ложью, даже для меня.

– Брось, Вика говорит, что ты только и пропадал на работе целыми днями.

Что-то щелкнуло у меня в голове и, почему-то, вспомнилась одна история, про девушку, которая впустила парня в дом, а он оттуда все вынес. Но Ян не похож на вора.

– Ян, кто ты?

Он резко повернулся ко мне, его взгляд был настолько холодным, что я невольно охнула. Неужели я попала в точку? Да нет, не может этого быть.

– Я человек, который выводит тебя из транса, – отчеканил он. Почему так грубо? Я что задала интимный вопрос? Бред какой-то.

Что-то неуловимо знакомое было в его облике. Я не говорю про сногшибательное сходство с Алексеем, было что-то такое... И тут меня осенило. Ну, конечно же! Кожаная чер-

ная куртка, стрижка чуть короче, чем надо бы, настороженная походка и «златая цепь на дубе том». Как ни странно, ужаса я не испытала, и вопрос задала почти легко и непринужденно.

– Ян, ты бандит?

В его глазах что-то промелькнуло, на лице появилась ухмылка.

– А если да, то, что прогонишь?

– Не думаю, что это поможет мне, – пробубнила я под нос, – Уже поздно, – но он услышал. Парень явно обладал музыкальным слухом.

В следующую минуту он мельком улыбнулся и произнес:

– Так как истина вечно уходит из рук, не пытайся понять не понятное, друг... Омар Хайям, – зачем-то пояснил он.

Теперь настал черед ухмыляться мне:

– То есть так ты отвечаешь на мой вопрос – я тупая девка и не понимаю, что ты убийца.

Ян от чего-то дернулся, подлетел ко мне и обнял.

– Прости, я не хотел тебя пугать.

– К сожалению, я тебя не боюсь, – сказала я, вдыхая аромат его туалетной воды, – И мне все равно кто ты.

Он осторожно отодвинул меня от себя и посмотрел в глаза.

– Как это?

Я пожала плечами. В самом деле, как объяснить скорее себе, чем ему, что мне действительно все равно. Как я ни пы-

талась спустится на эту грешную землю и рассуждать здраво, все равно видела перед собой Лешку, живого, которого можно видеть, обнимать. А за это можно отдать многое. За это можно понять и простить многое, хоть все это и смахивает на сумасшествие. Просто кто не терял – не поймет.

Мы с минуту смотрели друг другу в глаза. Я не знаю, что произошло в следующий момент, но он начал исступленно меня целовать, а я ... ответила, для меня самой это было полной неожиданностью, тело предавало меня, ну а душа, душа вспомнила другого, да и не забывала никогда.

– Лешка... – прошептала я и тут же ужаснулась.

Ян отскочил от меня как ошпаренный.

– Прости, Ян, я сама не знаю, как... – мне было до безумия стыдно и страшно, но Ян прервал меня.

– Я сам виноват, это ты меня прости, больше такого не повториться, – он резко отвернулся от меня и начал суетно разбирать пакеты с продуктами.

Самое странное, что я хотела, чтобы это повторилось... Куда же меня несет? Сколько еще я смогу удерживать утопию в своей душе?

Я стояла и не знала, что сказать и что сделать, а он последовал в коридор, с явным намереньем уйти.

– Не уходи, пожалуйста...

– Я не уверен, что нужен тебе теперь, – и усмехнулся, – Ты будешь в порядке.

– Нет! – я почему-то чувствовала, что если он сейчас уйдет, то больше я его не увижу. Это самое разумное – отпустить его, тем самым излечиться от агонии, которая преследует меня все эти дни. Перестать утешать себя и понять, наконец, что Ян тоже человек, что он не заменит мне Алексея. Но он оставался тем единственным человеком, которого я хотела бы видеть.

Ян пристально посмотрел на меня, в его глазах было сомнение и что-то такое очень похожее на боль. Я обидела его.

– Ты нужен мне, Ян, не уходи, пожалуйста, не оставляй меня, – молила я, не замечая, как по моим щекам текут слезы. Мне было жаль его, ведь я понимаю, что играю с жизнью другого живого человека, но ничего с собой поделаться не могла. Ян не выдержал моих слез.

Он взял мое лицо в руки и нежно, губами, собрал все крупинки соленой воды.

– Я не брошу тебя, пока ты хочешь, чтобы я был рядом.

И я понимала, что он нянчится со мной не просто так, что его отношение ко мне переросло в нечто большее, чем просто помощь.

Был уже глубокий вечер, Ян рассказывал мне о своих родителях, о своем детстве, о Вике, тему, касающуюся его настоящего, мы теперь не затрагивали. Я опять уснула, не заметив, как, но на этот раз он обнимал меня.

Я проснулась от собственного крика, в слезах. Ян был ря-

дом, он прижимал меня к себе, гладил по голове, как маленькую девочку.

– Все, все, успокойся это просто сон, успокойся девочка моя, любимая...

На этом слове я окончательно проснулась.

– Ян, – произнесла я сонным голосом, – Повтори, что ты сказал.

Я почувствовала, как он напрягся, но не отпустил меня.

Минута тишины, вздох и слова:

– Я люблю тебя, – и снова тишина, даже дыхания его не слышно.

– Ян...

– Молчи, я знаю, слишком рано, мне ничего не надо, просто хочу быть рядом.

Как, как я подпустила его так близко, что теперь мне все сложнее и сложнее не воспринимать его самого?

На утро я гадала, не приснилось ли мне все это? Его рядом не было, а на прикроватной тумбочке лежала записка. Я минут пять смотрела на нее, не решаясь взять.

Все-таки взяла ее и начала читать:

«Теперь ты знаешь, как я к тебе отношусь, надеюсь, это не оттолкнет тебя, я ничего не требую, я не исчез, у меня дела. Я вернусь».

Я вернусь... Я, уже слышала эти слова однажды, их произносил другой человек, перед отправкой в Чечню. Он не вернулся...

Боль снова заслонила все мои чувства, но теперь это была другая боль. Больше страх, что и на этот раз меня жестоко обманут.

Что же я чувствую к нему на самом деле?

Я попыталась представить Яна, но он сливался у меня с образом того, другого, на кого был нещадно похож...

Ян вернулся через три дня. Под конец третьего дня я думала, что схожу с ума. Нет, все-таки знать, чем он занимается, это хуже некуда. Я представляла себе все, на что была способна моя фантазия. А она была способна на всякие ужасы. Поэтому, когда Ян зашел в мою квартиру, цветом я была с простыню на моей постели – белого, руки мелко дрожали, да и устала я бороться с собой, так и не определившись до конца кто же он для меня. Я смотрела на него, пытаюсь увидеть его самого, а не моего призрака, и как ни странно, с каждым днем мне все больше и больше это удавалось.

– Ты чего?

– Ничего, все в порядке, – я тихо вздохнула и двинулась в сторону кухни.

Ян остановил меня на полпути, а я посмотрела на него... Да-а-а, видимо, по моему лицу можно было прочесть все, о чем я только что думала. Если бы он знал! Его глаза сузились, на губах играла недобрая улыбка. Я совсем забыла о его... мм... профессии, которая несет за собой шлейфом

подозрительность и недоверие.

– Никогда. Мне. Не. Лги, – сказал он четко, выделяя каждое слово.

– Боже, Ян, – взмолилась я, – Зачем так остро реагировать? Я просто переживала за тебя, но не стала об этом распространяться!

Уже я смотрела на него сердито, для пущей важности я скрестила руки на груди.

Ян сразу потеплел и поцеловал меня в лоб. Ха, слава Богу, сюсюкаться со мной не стал, как с ребенком. Мне неожиданно стало весело. Агония отпускала, я все больше и больше осознавала то, что вижу перед собой живого человека.

– Лен, ну ты чего? Меня всего-то три дня не было, – оправдывался он, а лицо довольное до безобразия.

– Ага, и телефоны на планете перестали работать, их отключил робот маньяк, решивший захватить мир!

Ян расхохотался.

– Не пойму у тебя богатая фантазия или больная? – спросил он, еще смеясь. Дальше дело пошло еще веселее, так как ему пришлось изворачиваться от моего тапка. Минут 15 мы носились по квартире с писком и визгом, если совсем честно, то пищала и повизгивала только я. Вконец измученная, я упала на диван, пытаясь привести сбившееся дыхание в порядок. Ян улыбался и смотрел на меня.

– Не хочешь поговорить? – неожиданно спросил он.

– О чем? – что-то не понравился мне этот вопрос.

– О том, что произошло ночью? – взгляд, направленный на меня, моментально стал напряженным.

– А что произошло ночью? – сделала я удивленный вид.

– Лена, – предупреждающе сказал он.

– Ян, – я пыталась подобрать слова, – Что ты хочешь от меня услышать?

Он нервно зашагал по комнате.

– Я вижу, что ты не равнодушна ко мне, я же не слепой...

Я, наверно, повторяюсь, но ты парень экстрасенс. Почему нельзя держать дистанцию? Если бы ты понимал, если я займусь любовью с тобой, то видеть буду совершенно другого человека.

– Но ты не позволяешь себе быть просто счастливой, а заодно мучаешь меня, – продолжал он.

Ага, давай поиграем в психоаналитика.

– Ты хоть понимаешь, что это неправильно? – прервала я поток его слов.

Он остановился и, наконец-то, посмотрел на меня.

– Что неправильно?

– То, что я к тебе хоть что-то чувствую, – сказанное было правдой, я окончательно запуталась в самой себе.

Он засветился, хоть прикуривай от него.

– Ян, у меня парень погиб! Девять месяцев назад, пони-

маешь? Я не должна... – у меня кончились слова, я просто не знала, что сказать, а еще я была зла, на себя, на него за то, что он затеял весь этот разговор.

– Будешь дальше себя хоронить? – с издевкой спросил он.

Все. Как он мог? Неужели не понимает, что пару месяцев с ним не уберут из памяти мою первую любовь, так трагически завершившуюся.

Волна гнева захлестнула меня с головой.

– Кто ты такой, чтобы говорить мне, что можно делать, а что нельзя, что чувствовать, а что нет?! Ты что бесчувственный чурбан? Не понимаешь, что ни о ком кроме него я сейчас думать не могу? Ты жив, да, но я умерла вместе с ним морально! Понятно тебе это или нет?! Мне не нужна ничья любовь!

– Понятно.

Вот тут-то я и увидела, его лицо, посеревшее то ли от ярости, то ли от безысходности и поняла, что натворила. Нет, мы бабы дуры не потому, что мы дуры, а потому, что мы бабы. Нобелевскую премию бы дала тому, кто об этом первым догадался. Ведь могла же объяснить все мягче, не причиняя боли.

И он ушел.

Прошли недели, его не было. Я то злилась на него, то на себя за сказанное. Но все попытки что-то изменить, хоть как-то увидеться с ним не увенчались успехом. Вика молча-

ла, пару раз приходила ко мне в гости и даже не намекнула где ее брат.

Я потихоньку сходила с ума. Может мне действительно нельзя жить? Я ведь причиняю людям боль, я же плохая. Я использовала его без зазрения совести. Но почему, почему он так похож...

– Перестань заниматься самобичеванием, – сказала Вика, глядя на меня. Мы сидели на работе и с моего лица не сходило виноватое выражение.

Я вздрогнула.

У вас это родственное мысли мои читать?

– А что ты предлагаешь? – тихо вздохнула я.

– Уж я не знаю, что между вами там произошло, он же молчит, слово из него не вытянешь, только по эмоциям и догадываешься.

Я смотрела на нее измученным взглядом.

– Ох, да ну не знаю я, где он! После тебя в тот день приехал, ходил злой как черт, заперся в комнате, звонил кому-то...

– Кому? – тут же спросила я.

– Да откуда ж я знаю! На звонки два дня не отвечает. У него же есть своя квартира, так он и в ней не появляется. Я сама уже начала волноваться.

– А ты говоришь, что я самобичеванием занимаюсь, – по-

что шепотом сказала я, – Да, меня убить мало!

Вика замешкалась, посмотрела на меня как-то неприязненно.

– Ладно, – с каким-то упрямством произнесла она, – Не все так просто, это правда.

Я, наверное, разучилась дышать...

– В тот день, когда он приехал, я ему ничего не сказала, не знала, как самой на это все реагировать, но, когда он вернется, я ему все расскажу, не хочу, чтобы ты и дальше так ловко им крутила.

Я совсем перестала, что-либо понимать. Вика взорвалась.

– Лен, признайся, ты его использовала?

– С чего ты взяла?! – я тоже перешла на крик.

– Когда я последний раз приходила к тебе в гости, то уж извини, случайно наткнулась на старую газету с заметкой о гибели твоего парня Алексея, которую ты хранишь. И все бы ничего, мы никогда бы не узнали правды, если бы твой парень не оказался сыном какого-то начальника в твоём родном городе, поэтому некролог был основательным и с цветной фотографией. Я, когда увидела ее, глазам своим не поверила – насколько он и мой брат похожи. Общаюсь с Яном, ты общаешься на самом деле не с ним, да? А со своим Лешкой. Интересные у тебя игры, подруга.

Внутри у меня все похолодело. Как же я так вляпалась? И как мне теперь объяснить им двоим, что я... Что? Использовала, но не специально, не осознанно?

– Ну что ты молчишь! – закричала она на меня.

– Вик, я не... Ты должна мне поверить! Я не хотела причинять Яну боль...

– Но причинила, и пока ваши отношения не зашли слишком далеко, я все ему расскажу.

Вика больше со мной не заговаривала, принципиально, но и это было еще не все. Судьба подготовила для меня еще один удар, аховый, на всю жизнь. Проходя комиссию на работе, мы сдавали анализы на разные заболевания, мне поставили бесплодие. У меня никогда не будет детей.

Несколько дней я ждала его и медленно готовилась к смерти. Вика не промолчит, я бы не стала молчать. К смерти, потому что знала, что он меня точно убьет, а если не убьет, то мне же хуже – я останусь жить и без него, и без образа Алексея.

«Никогда мне не лги» – я помнила его слова. Интересно, а факт сокрытия информации является ложью? Для него, думаю, да.

В двенадцать часов ночи он пришел, открыл дверь сам, непонятно только кто дал ему ключи. Мне не нужно было включать свет, для того чтобы увидеть насколько он зол. Все, что я видела до этого и считала злостью, ни в какое сравнение не шло с тем, что я увидела сейчас. Я натянула одеяло себе до подбородка, хотя вряд ли мне это поможет.

– Почему? – его голос звенел от ярости.

Я молчала и пыталась вспомнить хоть одну молитву, прежде чем отправиться к праотцу.

– Почему, ты ничего мне не сказала?! – он заорал на меня так, что я вжалась в диван, мне не было страшно за себя, мне было больно за нас обоих.

– А как ты себе это представляешь?! «Ян ты чертовски похож на моего погибшего парня»? – пропищала я и разревелась.

– Ты с самого начала принимала меня за него, – казалось, что он разговаривает сам с собой, – Даже когда я целовал тебя, ты шептала его имя.

Он кинулся ко мне и начал меня трясти.

– Я что игрушка?!? За что ты со мной так!? Почему не сказала сразу?

Какой-то ком в горле встал и мешал мне говорить.

– Пойми ты, наконец, он умер, а я живой! Чувствуешь разницу? Я чувствую, он – нет!

– Кто я для тебя, – продолжал Ян, – Его призрак?

Правдивость его слов не подвергалась сомнению, ответ на его вопрос можно легко было прочитать на моем лице.

– Убью!!! – я зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Услышав, как зеркало разбилось вдребезги, я открыла глаза, и ужаснулась – повсюду валялись осколки, а его рука была в крови. Я хотела подойти к нему. Но он отшатнулся от меня как от прокаженной.

– Не подходи ко мне, а то ведь действительно убью, – прошипел он, – Я не хочу тебя больше не видеть, не слышать.

Он ушел, уже во второй раз. Но на этот раз, по-моему, навсегда. Что собственно теперь меня задерживает здесь? Минуту назад я боялась смерти, все-таки боялась, сейчас мне кажется это идеальным выходом. Выходом с этого света. На самоубийство я неспособна, значит, есть только один путь. Найти того, кто сможет мне помочь. Полгода я жила как манекен, и желала только одного, почему я вдруг решила, что игра с призраком сможет помочь мне? Пора прекращать эту дурацкую пародию на жизнь.

На следующее утро, когда я проснулась, в голове сформировался вполне конкретный план. Впервые за полгода мое нежелание жить сформировалось в конкретное желание умереть. Но самоубийство не мой конек, я – трусиха. Но кто мешает мне найти убийцу для себя?

Первым делом я пришла на работу и написала заявление об уходе. Теперь у меня была уйма свободного времени, чтобы превратить свой замысел в действие.

Вечером, основательно накрасившись и надев самое короткое платье, которое у меня было, я отправилась в ночной клуб, где по слухам обитали самые отвязные парни. Фигурой я вышла, что надо, да и лицом Бог не обидел, ну а уж ноги, да в мини, это просто закачаешься.

Села я у барной стойки, заказала мартини, и начала огля-

дывать зал. Контингент был тот еще. В здравом уме я бы и на километр к этому месту не приблизилась. У меня даже возникла такая мысль, как убежать отсюда. Но здравый смысл посетил меня на секунду, и то только для того, чтобы помахать мне ручкой, и я осталась. Меня не заставили долго ждать. Ко мне двинулся рослый парень, с шикарной шевелюрой. Вот интересно, кто бандитам дал такую моду, как лысая голова? Этот вот не остриженный, и выглядит более культурно.

– Угостить чем-нибудь?

Ни тебе «здрас-те», ни давайте познакомимся...

– Много не пью, спасибо.

Наверно, парню давно так не отвечали, удивление в глазах было неподдельным.

– Ты не здешняя, – это был даже не вопрос, а утверждение.

– Угу, – подтвердила я, даже не посмотрев в его сторону.

Парня это задело, но не так, как бы хотелось мне. Размечталась, не хочешь сама придется ждать! Он усмехнулся и представился:

– Я – Антон. А тебя как зовут?

Ни такие уж они и кровожадные, эти бандиты, а жаль, все было бы проще.

– Я – Лена.

– И как же тебя сюда занесло? Ты разве не знаешь, что сюда ходят нехорошие дяди?

– Ничего переживу.

Новый знакомый явно был удивлен моим тоном разговора.

Дальше беседа потекла плавно, и уже через час Антон по-хозяйски обнимал меня за талию и рычал на всех при первом их приближение ко мне. Я дала ему на это полное право. Я мило улыбалась, и еще через час попросила Антона отвезти меня домой. Тот еще раз удивился, но в машине начал приставать, это в мои планы не входило, и я брякнула первое, что пришло в голову:

– Пожалуйста, Антон, не надо, я еще девственница, – и для убедительности заревела.

После такого ответа Антон целовал мне руки и, помимо, был безумно счастлив, сохранить мою девственность до скончания моего века, а вернее сказать до нашей свадьбы, что в принципе для меня одно и то же.

Ну, что ж первый блин комом, не удалось нарваться на крупные неприятности сразу, значит потом. Где-то с час я продумывала все возможные варианты развития моих отношений с Антоном, только пока было непонятно, что нужно сделать для того, чтобы он меня просто убил, а не отдал своим головорезам на расправу. Да и затея играть с ним девочку была просто для меня ужасна. А то, чего доброго влюбиться парень и не захочет впоследствии меня убивать. Куда проще, конечно, заказать киллера, но не было ни денег, ни нужных на то знакомств. Конечно, вести себя подобным образом полный бред, но выбора не было.

Утро наступило неожиданно. Я проснулась от надоедливого звонка в дверь. На пороге стоял Антон, в светлой рубашке, таких же брюках, чисто выбритый. Ну, прямо рыцарь в сверкающих доспехах. И откуда ж ты такой взялся на мою голову.

– Кажется, я тебя не приглашала, – проворчала я сонно.

Антон ухмыльнулся, похоже, ухмылка его фирменный знак.

– А я не нуждаюсь в приглашении. Чем сегодня думаешь заниматься? – поинтересовался он, захлопнув входную дверь и проходя в квартиру.

– Я так думаю, ты меня куда-нибудь пригласишь.

– Ну и наглая! – возмутился Антон, хотя по всему было видно – моя инициатива ему понравилась.

– Ты же не просто пришел. Ни свет, ни заря... – я протопала в ванну.

Антон что-то там еще бубнил за дверью, пока я принимала душ и думала, что же придумать, чтобы приблизить задуманное.

– Я же не железный, – услышала я, выходя из ванны.

– Конечно, нет, – подтвердила я, хотя и слова из его монолога не слышала, прекрасно догадываясь, о чем он. Вечера, услышав о моей, якобы, невинности, он решил поиграть в рыцаря и сделал мне предложение, причем мой ответ его совершенно не интересовал.

– Ну, и что же ты думаешь? – Антон пристально посмотрел на меня.

– Тошь, давай подождем, а? Ну, пожалуйста, – игра в девственность меня втягивала.

Антон потеплел, чуть ли не растекся, как масло и заключил меня в свои медвежьи объятия. Этот момент можно было бы назвать романтическим, если бы Антон не начал мне нашептывать на ушко нежности, как он, наверное, думал, половину которых нормальная девушка не то, что произнести не смогла, стыдно подумать было бы.

Я была нормальной девушкой, поэтому, когда Антон закончил, цвет моего лица оставлял желать лучшего, свекла бы мне позавидовала. Антон все списал на мою невинность. Почему-то, когда дело доходило до девственности, у него аж руки начинали дрожать, парень просто благоговел надо мной. Интересно, что будет, если сейчас ему сказать, что я его обманула? Что он у меня далеко не первый, но уж точно последний. Я даже улыбнулась, представляя его реакцию. Антон, естественно, принял это на свой счет.

– Куда путь держим? – спросила я его уже в машине. Машина надо сказать шикарная. Иномарка, что для нашего провинциального города редкость.

– Везу тебя знакомиться, – просто ответил он.

Я раза два нервно моргнула.

– С кем это?

– С друзьями, – сказал он и посмотрел на меня. Наверное,

вид у меня был испуганный, потому что он тут же начал меня успокаивать.

– Не бойся, не съедят же они тебя, в конце концов.

– Может, и съедят, – больше для себя, чем для него про-
изнесла я.

Он засмеялся и посмотрел на меня влюбленными глазами.

– Я не позволю.

Что-то быстро развиваются события, но оно мне только на руку. Дальше мы ехали в тишине. Что-то переставала мне нравиться эта затея. Слишком быстро Антон начинал ко мне привязываться. Да, и что я монстр, ну бандит парень, но человек же. А людям боль я причинять совсем не хотела. Но на попятную идти, это значит провал. Убить не убьет, покалечит, а мне нужен только летальный исход.

Как я и думала, дом друзей, а вернее сказать дача находилась за городом. Ничего оригинального. Когда мы вошли в дом, у меня потихоньку начала отваливаться челюсть. Не от обстановки в доме, этим меня вряд ли удивишь, а от количества народу в нем.

«Друзей» было человек пятнадцать. И все как один уставились на меня, ну и уже потом обратили внимание на Антона. Слава Богу, у меня хватило мозгов, одеться поскромнее, неприятно, когда на тебя пялятся такое количество народа.

– Синица! Здорово. Давно тебя не видели, – так я узнала о существовании клички Антона, пока они подходили и дружески хлопали друг друга по плечу. Антон представил меня

и начал представлять своих друзей. От количества кличек у меня голова закружилась. Зоопарк какой-то: тут тебе и Кабанчик, и Лев (я так полагаю это имя?), и даже свой персональный Маугли есть. По любому выходило, Антон привез меня на смотрины, он как бы заявлял свои права на меня – «вот моя девушка, она моя и ничья больше». Только возникал вопрос: почему он показал меня своим друзьям, а не родителям?

Я отбросила страхи и начала общаться. Вела – то я себя конечно скромно, дабы не раздражать моего вездесущего надсмотрщика, но было видно, что кое-кто из этой компании мной заинтересовался не на шутку. А это можно было использовать. Интересно Антон способен убить в порыве ревности? Ближе к вечеру вся наша компания собралась в ресторан. Там мы гуляли до полуночи. Я уже порядком устала, и, на мое удивление, Антон проявил заботу, распрощавшись со всеми, на что ушло еще полчаса, он поднял меня на руки, под улюлюканье толпы – парень однозначно любил эффекты. Я решила выразить свое неодобрение:

– Антон, ну я что маленькая? Сама дойти не могу?

– Для меня да, – он чему-то загадочно улыбался.

Еще один, подумалось мне, мне до жути хотелось реветь, потому что весь вечер я вспоминала не рано ушедшего Лешку, а Яна, мне не хватало его. Сидя в машине у Антона, слушая музыку, я поняла только одно: я все испортила сама. Мое чувство к Яну было больше, чем напоминание о погиб-

шем парне, он вытащил меня из болота боли, куда я с такой охотой ныряла, он был со мной, терпел мои слезы и плохое настроение, а я продолжала цепляться за свою боль, испугавшись, что смогу жить после смерти Алексея, и жить счастливо. Ян пытался достучаться до меня, а я не захотела слушать. Теперь он меня ненавидит, а я как никогда близка к смерти.

Неровными шагами я зашла в собственную квартиру. От осознания того, насколько я невероятная идиотка, мне стало плохо, а когда к этому приплелось еще и чувство вины за использование Антона, я тихо начала ненавидеть саму себя. Антон стоял и смотрел, как я, поджав ноги, сижу на диване и смотрю не видящим взглядом. Он вдруг стал серьезен. Почему-то мне показалось, что для него вся эта ситуация представляется гораздо серьезней, нежели мне. Как к этому можно относиться серьезно, если ты знаком всего лишь сутки?

– Тебе плохо? – раздался его голос.

– Да мне плохо, – я не стала кривить душой.

– Это я виноват? Тебя напугали мои друзья?

Еще один с комплексом вины.

– Ты знаешь, они немного жутковатые, – пока я продолжала быть откровенной.

– А я?

Я не смотрела на него, но чувствовала, что он задал свой главный вопрос.

– Нет.

Вздых облегчения или я ослышалась?

– Я останусь у тебя сегодня.

Ничего себе, он даже не спрашивает!

– Антон, мы вроде бы договаривались?

– Я не нарушу обещание.

Что мне оставалось делать? Я постелила ему в другой комнате. Антон усмехнулся, и ушел спать, бурча себе под нос что-то о старомодных взглядах.

Я лежала и думала, куда же меня все это приведет, и не сделаю ли я еще одного человека несчастным... Что я делаю? Зачем играю чувствами других людей?

– Я так хочу тебя, – шептал Ян, и почему-то грубо целовал, его рука соскользнула вниз, мое сердце билось где-то у горла.

– Тебе не будет больно, я клянусь.

Больно? Почему...

Проснулась я резко. Придавив меня к дивану, Антон срывал с меня одежду, я попыталась оттолкнуть его. Черт, я была согласна на смерть, а не на изнасилование!

– Тошка, не надо, пожалуйста, – мой голос был испуганным, я действительно испугалась.

– Я обещаю тебе, все будет хорошо, тебе не будет больно, милая, – бормотал он, продолжая пытаться меня раздеть. Тут нужно было что-то посущественнее моего испуганного голоса, и я нашла это существенное, прямо у себя на полу.

Когда пустая бутылка из-под мартини, разбилась об его голову, он просто рухнул. Первым делом, я проверила пульс – живой. Слава Богу, не убила. Я села и начала ждать: когда он очнется, мне не поздоровится. Дурацкая ситуация, в которой он виноват сам – нечего было так напиваться и лезть к спящей девушке.

Очнулся он только под утро, стоная от боли в голове, я молчала и смотрела на него. Он посмотрел на разбитую бутылку, осколки которой я даже не потрудилась убрать, потом на меня, я видела, что он все вспомнил. Я вздохнула и приготовилась.

– Молодец, Ленка!

Я ошарашено на него уставилась.

– Прости меня, лапонька, – заискивающе заглядывая мне в глаза произнес Антон, – Перебрал вчера. Приставать начал, да?

Я коротко кивнула, пытаюсь привести саму себя в чувство. Это ж надо! Ему съездили по башке, а он вместо того, чтобы орать и угрожать смертельными пытками, как заправскому бандиту, прощение просит.

– Уйди, пожалуйста, Антон, – решила я обидеться на всякий случай, дабы уверить его в своей любви, и мне действительно захотелось побыть одной.

– Прости меня, я не хотел так... – тихо начал он. Я видела, что «прости» он произносит второй раз в жизни. Я собрала

всю свою волю в кулак, чувствуя себя при этом последней дрянью. Но пора начинать вторую часть «марлезонского ба-лета».

– Мне не нужны такие отношения, Антон.

Его брови в удивлении поползли вверх, он весь собрался, как зверь перед прыжком, и, не отводя от меня взгляда, зло спросил:

– Ты думаешь, ты вот так от меня избавишься?

– А тебе не кажется, что тут нечего обсуждать? Мы знакомы сутки, у нас ничего не получилось, и я просто говорю тебе «прощай».

Он ухмыльнулся и через минуту ушел.

В этот день, я никуда не выходила, ждала, что же предпримет Антон. Мне было жаль его, честно жаль, но только так я смогу уйти из жизни, только так. Его не было и вечером. Пьет где-нибудь. В десять вечера зазвонил телефон, номер незнакомый.

– Да?

– Лена?

– Да, а вы кто?

– Это не важно, важно, что Антон в больнице, автомобильная катастрофа.

– Он жив? – еле выдохнула я.

– Да, записывайте адрес.

Я мчалась на всех парах, я даже не хотела задумываться

о том, что это по моей вине, чуть не погиб человек. Я сегодня же ему все расскажу, сейчас же, я буду умолять его о прощении. Я не знаю, что еще я могу для него сделать.

Антон лежал на больничной койке с перевязанной головой, бледный. Увидев меня, он вновь ухмыльнулся, а в глазах загорелись недобрые огоньки.

Я же просто стояла и смотрела, не в силах двинуться с места.

– Зачем пришла? – голос сиплый, но не злой.

– Антон, я виновата, прости... – начала я.

– Ты тут ни при чем... почти... Это я не справился с управлением.

Он еще и защищает меня!

– Антон, нам нужно поговорить, серьезно...

– Да, нужно, но не здесь, – он смотрел на меня так, как будто что-то знал.

Играя со смертью, я чуть ли не стала причиной смерти другого человека. Я не дрянь, я хуже.

Я не могла долго заснуть. Часа в два провалилась в тяжелый сон.

– Что ты творишь, ты хоть понимаешь, куда ты ввязалась? – голос Яна во сне был не злой, а усталый.

– Не надо мне снится, мне и без тебя тошно, – недовольно проворчала я и проснулась.

Темень была, хоть глаз выколи. Я тяжело вздохнула.

– Ну, зачем ты мне снишься? – проворчала я в пустоту.

– Может потому, что я привидение, – прозвучал ответ из угла комнаты. Я подпрыгнула и закричала. Он тихо смеялся.

– Ян! – волна радости всколыхнулась в моей душе – он пришел – но тут же исчезла без следа, так как не имела к Яну никакого отношения. Боже, как я скучаю по тебе, Лешка! Зачем эта злая шутка судьбы? Почему он так похож на тебя?

Ян сидел в кресле и наблюдал за мной своими золотистыми карими глазами. Я видела его размытый силуэт в свете луны. Я прыгнула с кровати, в поисках выключателя.

– Не включай свет. За тобой следят.

– Кто?

– Надо полагать, архаровцы твоего Антона, – сказал он язвительно.

Итак, он знал, но удивляться было нечему.

– Что еще ты знаешь? – осторожно спросила его я.

– Ты понимаешь, во что ты вляпалась? – проигнорировал он мой вопрос, – Ты хоть знаешь кто он? Что он из себя представляет? И какой опасности ты себя подвергаешь?

– Тебе то, что! – начала я вскипать, – Можно подумать ты лучше!

– Я, по крайней мере, не убиваю людей, – зло бросил он.

– Да ну?

– Я в жизни еще никого не убил! – возмущенно восклик-

нул он.

– Судя по роду твоих занятий, у тебя все еще впереди, да и к тому же, мне все равно, – четко сказала я. Как ни противно мне все это, но это единственный путь – врать.

– Все равно? – он смотрел на меня как на ненормальную. Я, наверное, и была таковой.

– Да, – ответила я, и собрав всю свою решимость, сказала – Я люблю его.

Надо было видеть, что отразилось на его лице, мне так хотелось подбежать к нему, обнять и сказать, что все это ложь от начала до конца. Но я не сделала ни шагу.

«У вас никогда не будет детей...»

Я устала претворяться перед самой собой, что проблема бесплодия меня не волнует. Я не могу долго думать об этом, иначе сойду с ума. И тем более, я никогда не вовлеку его в те, страдания, которые испытываю в данный момент. У Яна должно быть будущее, у него должны быть дети, и у него должна быть другая жена, которая не будет видеть в нем другого человека.

Глава 2. Расплата за грехи

«Есть такие страшные соблазны, что для того, чтобы им поддаться, нужна сила, сила и мужество».

Оскар Уайльд

Я смотрела на него и видела, как стремительно боль Яна перерастает в гнев, в гнев такой разрушающей силы, что на мгновение даже мне, призывающую смерть, стало жутко.

– Любишь его? – его голос был наполнен еле сдерживаемой яростью.

– Да, – мое лицо ничего не выражало, я сама удивлялась, откуда во мне столько смелости.

Его лицо скривила ухмылка, которая очень мне не понравилась. Через мгновение он подскочил ко мне и сильно прижал меня к своему телу. В глазах дьявольский огонь, уже разгорался в дикой пляске.

И он поцеловал меня. Поцеловал так, как никогда, и никто не целовал. В поцелуе не было нежности, страсти, были только гнев и обида.

– Любишь его? – повторил он свой вопрос.

– Да, – уже не так уверенно произнесла я.

Его руки начали блуждать по моему телу, намеренно распалая меня, он смотрел на меня, не отрываясь. Как я смогу врать, глядя на него, когда он видит всю гамму чувств у меня

на лице!

– Повтори, – выдохнул он, его голос сбился и осип.

– Я люблю... его, – уверенности в моем голосе не было вовсе.

Через секунду после моего ответа моя одежда рваными лоскутами полетела на пол. Еще через секунду я тоже оказалась там. Ян прижал меня к полу, держа мои руки одной рукой, второй вытворял со мной такое, что я не была уверена, что переживу тот адский огонь внизу живота. Мне вдруг стало все равно, что он делает это только для того, чтобы выместить на мне свою злость. Но он так же, как и я был живым, из плоти и крови, его злость перемешалась с желанием.

– Ян, пожалуйста, только не так, – начала умолять я его, – Ты же ненавидишь меня сейчас.

Он, на мгновенье остановился, но не освободил меня. С минуту смотрел на мое лицо и только потом выдохнул:

– Как с тобой еще?

– Ян, не делай мне больно! – почти крикнула я.

– Я себе делаю больно, понимаешь? Себе. Я не ненавижу тебя, к моему большому сожалению, а люблю. Невозможно влюбиться сразу, нелепо, но так оно и есть. И что в итоге? Ты смотришь на меня, но не видишь, говоришь со мной и думаешь только о своем проклятом призраке! Может, это пройдет, если я пересплю с тобой, это чертово наваждение должно закончиться, а потом катись ко всем чертям, хоть к Антону, хоть к его браткам, хоть прямиком в ад!

Слезы потоком потекли у меня из глаз, в его голосе было столько презрения и в тоже время желания. Я понимала, что не прощу ему этой ночи, если он сейчас не остановиться. Хотя, что теперь для него мое прощение? Я тоже умираю, от каждого его прикосновения, желала его всеми фибрами моей души. Мое тело предавало меня, я желала его, его и никого другого. И это в любом случае не должно было быть так – со злостью, ожесточением и ненавистью. Я чувствовала, что он ненавидит меня за свою же слабость ко мне, за то, что нуждается во мне как в глотке воды. Мой огонь перерос в пожар... Я хотела его. Хотела, и впервые после смерти Лешки не считала это предательством.

Когда все кончилось, Ян резко встал и начал одеваться. Меня убило это, сразило наповал его холодность после того, что между нами было. Как будто он снял меня на ночь, ... хотя может, именно так он теперь ко мне и относился. Я горько улыбнулась.

– Ну, что наваждение прошло?

– Да, – холодно ответил он, – Я получил то, что хотел.

– Ненавижу тебя, – сказала я со всей злостью, на которую была способна.

Он ушел, хлопнув дверью. А я дала волю слезам. Плакала всю оставшуюся ночь до утра. А потом во мне будто что-то переключили – слезы высохли и на их смену пришло ледяное спокойствие.

Антон выписали из больницы через неделю, после той ночи. Его поведение изменилось, да и мое тоже. Ходил угрюмый и молчаливый и искоса на меня поглядывал, а я не делала больше попыток мило ему улыбаться и говорить, что все хорошо. Я знала, что он что-то знает, но мне уже было все равно. Я не знала, что я хотела, вся эта игра зашла настолько далеко, что было непонятно чем все это закончится. Я окончательно завралась. За всю свою недолгую жизнь я столько не лгала и не изворачивалась, как в последние месяцы. В один из таких вечеров я решила признаться хотя бы в одной лжи.

– Я обманула тебя, Антон.

Его рука с чашкой чая дрогнула, и капли чая пролились на стол, за которым мы сидели. Я встала, взяла тряпку и начала вытирать со стола. Он взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

– Сядь, – приказал он. Он молчал и смотрел, и мучился, я это видела. Но не спросил больше ничего, как будто давал время на обдумывание того, что я сейчас ему скажу.

– Я не девственница, уже давно, – больше я ему ничего не сказала, мне до одури надоела бессмысленная игра. Будь что будет, если он решит не убивать меня, а отдать своим людям на расправу мне же хуже, все равно надолго после этого я на этом свете не задержусь. Кто знает, до чего нужно довести бандита, чтобы он проявил свою звериную сущность? И хочу ли я смерти на самом деле?

– Насколько давно? – спокойно спросил он. Его тон меня удивил, но я не подала виду.

– Два года назад.

– С кем?

От такого вопроса я даже застыла как каменное изваяние.

– С однокурсником, – медленно произнесла я, наблюдая за его реакцией, про Лешку я говорить не хотела, да и какая разница с кем.

– Найду и убью, – также спокойно сказал он, отхлебывая, как ни в чем не бывало, чай из бокала.

С ума сойти! Я ожидала бурю эмоций, а не это обреченное спокойствие.

– Антон, что случилось? – я наблюдала за его лицом. Ну, хоть что-то должно же быть?

– А что случилось? – все-таки голос его дрогнул.

– Где гнев, обещание убить меня, ну, хоть что-то ты должен чувствовать, но точно не делать вид, что все хорошо.

Антон очень внимательно и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Убить? – пораженно переспросил он. У меня пересохло в горле. Он закрыл глаза, на губах горькая усмешка.

– Вероятно, ты предполагаешь, раз я... – и замолчал.

– Я не монстр, Лена, – через какое-то время произнес он.

– Но ты слишком спокоен, – настаивала я.

– Тебя сильно удивит, если я скажу тебе, что я знал? – спросил он меня устало.

– Когда ты узнал? – я не понимала его реакцию, может это просто шок?

– В тот день, когда ты меня выгнала, – он пристально посмотрел на меня, – Да я хотел тебя убить, это была моя первая реакция, но потом груды искореженного металла, помешала моему плану, а в больнице у меня было время подумать, чтобы не совершать поступков, о которых я бы потом пожалел.

Я стояла, не жива, не мертва.

– Это вообще чудо, что ты жива, – продолжал он, – Я, милая, не завожу серьезных отношений с человеком, если недостаточно о нем знаю, о тебе я не знал ничего, все эти дни на тебя копали информацию. Человек, которому я поручил это сделать, позвонил мне, когда я ехал на машине от тебя, он многое мне рассказал о тебе.

Он замолчал. Он даже не глядел на меня.

– Так значит, я была права, это из-за меня ты чуть не погиб и попал в больницу, – желание убить саму себя у меня усилилось.

Он будто не слышал.

– Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

– Кого? – недоуменно переспросила я.

– Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая рука.

Не все я знала о Яне. А что я вообще о нем знаю, кроме

того, что он мне рассказал?

– Я не его девочка, – грубо бросила я Антону.

– Ясно, – Антон встал и кошачьей походкой направился в мою сторону.

– Ты поссорилась с ним, или просто он тебя бросил, не в этом суть, – теперь я видела в его глазах злость, когда он навис надо мной, что ж, по крайней мере вот это нормальная реакция, – И решила забыть его, но ты не того парня выбрала в качестве мести ему. Тебе очень повезло, что я узнал все не у тебя дома.

Я спокойно смотрела ему в глаза.

– Что мешает тебе сейчас наказать меня? – я нарывалась, может быть слишком явно.

– Ты хочешь, чтобы я наказал тебя? – Антон как никогда был похож на хищника на охоте.

Я молчала. Что сказать-то?

– По крайней мере ты теперь не отвертись, – злорадства в нем было хоть отбавляй.

– От чего? – не поняла я.

– А ты подумай, – он посмотрел на меня достаточно откровенно, так что и дураку было ясно, о чем это он. Да что ж за мужики-то пошли! Что один, что другой! Есть, интересно, в мозгах что-нибудь, кроме секса?

– Это твое наказание? – процедила я сквозь зубы.

Он грубо схватил меня.

– Спать со мной для тебя наказание? – заорал он, – Че-

го ты вообще ожидала, знакомясь со мной? Ты не подумала о том, что рано или поздно тебе придется это сделать?

Да, я не подумала. Я не подумала, что все это зайдет так далеко. Я рассчитывала на быстрый исход, на бандитскую жестокость. Хотя, может, оставить меня в живых и есть та самая жестокость, и есть то наказание, что я и врагу не пожелаю.

Антон, приблизившись ко мне вплотную, отрезал путь для побега и с силой меня поцеловал. С силой и какой-то обреченностью. Я все-таки сумела оттолкнуть его и зажалась в угол, прекрасно понимая, что это не выход.

– Я настолько противен тебе? – удивился он.

– Я просто тебя не люблю.

– Кому нужна твоя любовь! – заорал он снова, – Я получу тебя и без нее!

Его слова пробили дыру в моем заледенелом спокойствии. Я не вещь, которую можно брать, когда захочется! Почему они оба, и Ян, и Антон считают вправе распоряжаться мной? На эмоциях я выпалила ему все, что я думаю о нем, и о таких как он:

– Может тебе она и не нужна, скотина, тебе вообще ничего не нужно кроме твоих вонючих денег и иллюзии власти. Если ты думаешь, что для меня ты предел мечтаний, то ты глубоко ошибаешься! Кто ты? Что ты есть? Вонючий бандит,

отброс общества!

Что я совершила ошибку, поддавшись эмоциям, я поняла потом, очнувшись в холодном подвальном помещении через трое суток. Мое тело болело так, как будто по мне танк проехался, раз пятнадцать. Я попыталась встать и у меня с трудом, но получилось. Я оглядела себя: на руках и ногах ссадины и синяки. Я с содроганием вспомнила то, что произошло после того, как я его оскорбила. Я наговорила еще кучу гадостей, самым ласковым словом, из которого было «козел». Антон налетел на меня как ураган, последнее, что я запомнила, так это в мою квартиру влетели его люди и оттащили его от меня. Дальше провал. И единственное, о чем я сожалела, так это то, что он не довел свое дело до конца.

Дверь в мою темницу отворилась, и зашел парень внушительных размеров.

– Пошли, тебя Синица хочет видеть.

Я решила упорствовать до конца:

– Никуда я с тобой не пойду, а уж твоего Синицу я точно не пылаю желанием наблюдать.

Парень оторопел от такой наглости, но все – таки отстал от меня, видимо побежал к нему, к хозяину, жаловаться.

Через десять минут ко мне, громко хлопнув дверью, влетел Антон с глазами зверя.

– Ты чего вытворяешь, а? Мало тебе?

– Тебе чего от меня надо? – заорала я на него.

– Ты здесь хочешь разговаривать? – процедил он сквозь зубы.

Я отрицательно покачала головой. Похоже, придется смириться. Тяжело вздохнув, я собиралась ему сказать еще пару ласковых, но неожиданно согнулась от боли в ребрах. Ага, дышать надо аккуратнее. Я почувствовала, как кровь отхлынула у меня от лица, покачнулась и, наверное, упала бы, если бы Антон не подхватил меня.

– Оставь меня в покое, – сил моих хватило только на шепот, хотелось забиться в угол и тихо умереть.

В следующее мгновение я очнулась в какой-то комнате, но из-за черных пятен перед глазами так и не смогла разглядеть, где я вообще нахожусь.

– Зачем ты это сделала? – раздался голос Антона, – Ты ведь нарочно выводила меня из себя?

Я молчала, даже не пытаюсь посмотреть на него, все равно бесполезное занятие – перед глазами все плывет.

– Если бы не парни, я бы убил тебя! – в какой-то панике закричал он, – Лена, ну что ты молчишь?

– Мне нечего сказать, – произнесла я, переведя дыхание.

Антон сел в кресло, и на какие-то минуты в комнате наступила тишина, он пытался понять меня, пытался сложить картинку в единое целое.

– Ты любила его? – спросил он тихо.

– Кого? – простонала я.

– Яна, – еще тише произнес он.

Что-то в глубине души шевельнулось, но так слабо, что я даже не поняла больно мне или это уже реакция на уровне автомата.

– Да, в какой-то степени, – просто ответила я.

– Это он?

– Что? – не поняла я.

– Он твой первый...

– Нет.

– Значит твой первый тот, кто погиб?

Я удивленно распахнула глаза.

– Откуда ты..., – начала я и резко замолчала. Можно и не спрашивать, он может узнать про меня все, всю мою подноготную, кроме моих мыслей, пока.

– Прости, за такой вопрос. Я могу понять, тебе пришлось тяжело. – Антон сидел в напряженной позе и пристально смотрел на меня.

«Мне и сейчас тяжело и жутко» – про себя сказала я.

– Чего ты хочешь от меня, Лен? – с усталостью в голосе спросил он, – Я не могу понять твоих мотивов, для чего ты со мной познакомилась, для чего обнадеживала, а потом так резко спустила с небес на землю. Для чего?

Может просто попросить его? Да, представляю, как это будет выглядеть: «Антон, убей меня, я не хочу жить». Глупо.

– Забыться хотелось.

Он усмехнулся.

– Ну, как помогло?

– Не очень.

Он встал и начал ходить по комнате. По его напряженной позе и угрюмому молчанию, я видела, что он что-то для себя решил. И от того, что он сейчас скажет, зависит и моя дальнейшая судьба. Иллюзий насчет того, что он просто отпустит меня, у меня не было.

– В общем, так, я не открою для тебя Америку, если сообщу тебе о том, что за все нужно платить. Ты не пожалела меня, я не собираюсь жалеть тебя, – я с непониманием слушала его, – Я не отпущу тебя, я не дам тебе свободы, – он жестко посмотрел на меня, – И ты теперь будешь играть по моим правилам. А чтобы ты не подумала улизнуть от меня или обратиться за помощью к сильным мира сего, ты выйдешь за меня замуж.

– Ты сошел с ума! – я истерически расхохоталась, – Средневековье какое-то! Развод еще никто не отменял!

– А ты попробуй! – огрызнулся он, – И я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься.

Я онемела, я не могла поверить, что он так жесток. Именно об этом меня предупреждал Ян.

– А, чтобы ни у кого не возникло и сомнения в искренности твоих чувств ко мне, то мы сделаем все, как полагается – пышная свадьба, куча родственников, влюбленные взгляды и свадебное путешествие, – закончил он бархатным голосом, звучащим для меня зловеще.

– Дорогой, а ты не думаешь, что мои родственники сразу

поймут обман? Они очень хорошо меня знают, да и свадьба через восемь месяцев после гибели предыдущего жениха, ... не странно ли это? – с издевкой спросила я его.

– Ты не справедлива ко мне, – он улыбался одними губами, глаза же оставались холодными, – Я все продумал. Мы скажем, что ждем прибавления в семействе. А потом у нас будет время, чтобы превратить эту маленькую ложь в правду.

– Зачем тебе это нужно? – задала я вопрос, который так и остался без ответа.

Мне захотелось стать глухой, хотя бы на время, чтобы не слышать это. Ну что ж, Тоша, тебя ждет сюрприз, наследника ты не увидишь, как собственных ушей.

– И запомни, – сказал он мне, перед тем как уйти, – Не вздумай убежать от меня, у меня есть много способов причинить боль не только тебе, но и твоей семье, не забывай об этом.

Свадьба была назначена через две недели, спешку объяснили моей беременностью. Антон сдружился с моим отцом, а мать души не чаяла в таком галантном зяте. Лишь я ходила как во сне, не веря, что это происходит со мной. Ян не объявлялся, лишь один раз Вика позвонила и сухо поздравила со свадьбой. Я улыбалась всем и вся, казалось, улыбка приклеилась ко мне. Но у меня даже не было сил винить во всем Антона, ведь все что со мной происходит, сделала я, своей

собственной глупостью.

До свадьбы остался один день, я к этому времени благополучно переехала в шикарную квартиру Антона. Но несмотря на то, что теперь мы жили вместе, он не делал попыток даже дотронуться до меня. Меня это устраивало, хотя и удивляло. Я искренне не понимала его поведения. Наедине мы часто ссорились и этот день не стал исключением. Оглушительно хлопнув дверью, в квартиру вихрем влетел мой будущий муж.

Злой как черт, он пронесся мимо меня в свой кабинет, залез в сейф достал какие-то бумаги и порвал их.

– Что происходит? – спросила я его.

– Не лезь не в свое дело, – гаркнул он, ни на минуту, не отвлекаясь от своего занятия.

– Завтра это станет и моим делом тоже! – зарычала я на него.

Антон посмотрел на меня удивленно и расплылся в улыбке.

– Не может быть! Неужели ты решила поменять гнев на милость и проявить хоть каплю интереса к моей персоне? – каждое его слово было будто пропитано ядом.

– Твоя персона меня мало волнует! – грубо сказала я ему в ответ, – Больше меня волнует, что происходит, и как это все обернется для меня и для моих близких.

– Кстати, о твоих близких, не забудь завтра наша свадьба и тебе твою роль надо сыграть до конца, так чтобы все по-

верили, что мы без ума друг от друга, – каждый раз, когда он напоминал мне об этом, мне казалось, что он делает это с каким-то садистским удовольствием.

День свадьбы я запомню надолго. Куча народу, особенно его родственников и друзей, глупые шутки, дурацкие конкурсы. Но я готова была пережить это снова и снова, только бы это не кончалось и не подводило меня к той самой пресловутой брачной ночи. Уверенность, в том, что она будет, мне предала фраза Антона, которую он шепнул мне на ухо, когда мы выходили из ЗАГСа: «Вот и все, женушка, теперь ты не вправе отказать законному мужу». Антон пил рюмку за рюмкой, но оставался трезв, меня это удивило, но я все-таки надеялась, что он напьется, сделает мне такой подарок. Все мои надежды полетели крахом, когда я поняла, что в рюмке обычная вода, даже в этом он действовал методично хладнокровно, нарочно не оставлял мне не единого шанса. Часов в 12 гости начали разъезжаться кто по домам, кто-то оставался гулять в ресторане до утра. Прощальный выход – мы с белоснежными улыбками, махаем всем рукой и садимся в свадебный кортеж, специально заказанный по такому случаю.

Чем ближе мы приближались к дому, тем больше меня начало бить в ознобе. Когда мы подъехали, Антон подал мне руку, а возле подъезда взял на руки и так нес до самого четвертого этажа, дверь в квартиру была предусмотрительно распахнута, так что Антон донес меня прямо до кровати.

Я не смотрела в его сторону ни тогда, когда он раздевался, ни тогда, когда он начал раздевать меня. Почему-то мне вспомнилось мое второе прозвище, данное мне на работе – робот. О, да, именно его я себе напоминала. Оцепенение сковало меня. Вроде я не маленькая девочка, но я ни разу не ложилась в постель к мужчине без любви. Да и опыта, мягко говоря, никакого, разве две ночи любви могут сойти за опыт?

– Нежная моя девочка, – неожиданно ласково произнес он, – Давай начнем все сначала, забудем все, что было, начнем заново. Я ведь хоть немного нравлюсь тебе? Иначе, ты бы вовсе не подошла ко мне. Девочка моя, я с ума схожу по тебе.

Меня шокировали его нежные, и в то же время, страстные слова. Может быть, он думал, что они заставят меня открыться ему, но чуда не произошло, когда Антон начал меня целовать, слезы потоком хлынули у меня из глаз.

– О, Боже! – он оттолкнул меня, – Ну что ты из меня монстра делаешь!

От его злости я вся съежилась. Упирается было бесполезно, я это понимала. У него были все права спать со мной, и только от меня зависело, будет это более или менее болезненно. Но сейчас я ничего не могла поделать, эмоции хлестали через край.

Я легла на кровать и уставилась в потолок. Антону не нужно было приглашение для того, чтобы понять, что я сдалась. Несмотря ни на что Антон оказался нежным любовником,

конечно, он не разбудил во мне ответную страсть, но и сказать, что мне было неприятно я не могу. Он опытный мужчина и конечно же мое тело ответило на его ласки.

Проснулась я в двенадцать часов дня от пристального взгляда. Антон лежал рядом и смотрел на меня с таким обожанием, что аж дух захватывало, на лице играла улыбка. Если бы не обстоятельства нашей свадьбы, да и знакомства в целом, я бы поверила в этот взгляд.

– С добрым утром, любимая, – ласково произнес он.

Я смущенно улыбнулась и попыталась накрыться одеялом.

– Нет, не надо, – не дал мне этого сделать Антон.

Ну что ж, все барьеры рухнули, и он теперь мой муж. Я тихо вздохнула.

– Скажи мне, – начал он, все еще смотря на меня, – Теперь ты не жалеешь, что вышла за меня?

Боже, какое самодовольство иногда проявляют мужчины!

– Если ты думаешь, что одна ночь смогла стереть твой гнусный шантаж, то ты ошибаешься, – ответила я. Я не собиралась давать ему надежды и поднимать ветвь мира, которую он только что бросил мне своими шуточными словами.

– Что-то я не заметил этого, сегодня ночью, когда ты стояла подо мной, – бросил мне он.

– Да, Антон, – сказала я ему, серьезно глядя в глаза, – Любвиком ты оказался хорошим, если я вообще могу судить об этом, имея мало опыта, но на остальное не рассчитывай.

– А твое остальное мне не нужно, – хохотнул он.

– Зачем же женился тогда?

– Не заставляй меня повторяться, – коротко бросил мне он.

Я решила укусить его побольнее.

– Ну, раз остальное тебе не нужно, то я полагаю, остальное я могу дарить любому другому мужчине.

– Не смей, – зарычал он, и дистанция между нами угрожающе сократилась. Я натянуто рассмеялась.

– Ладно, ладно, я просто хотела, чтобы ты понял – ничего не изменилось.

– Я тоже хочу, чтобы ты кое-что поняла, – он резко оказался сверху меня, – Я не собираюсь отступать, и делить тебя с кем-то другим тоже не собираюсь, – и так же резко раздвинул коленями мои ноги, – Все, что я говорил так и остается, не смей со мной играть...

На этот раз его объятия отличались от объятий в брачную ночь. Исчезла нежность, набросившись на меня, как голодный лев, он не столько занимался со мной любовью, сколько устанавливал свою метку, свое клеймо – я всецело принадлежу ему. Я наконец-то поняла, насколько разным может быть теперь уже мой муж. Господи, я ведь даже не знаю, кто он в принципе, что за человек.

Моя жизнь зашла в тупик: я больше не хотела умирать и оказалась в тисках собственной глупости и эгоизма, я при-

чиняла боль двум людям, один из которых был мой муж. Не один из них не знал всей правды обо мне....

«У вас никогда не будет детей»...

Имела ли я право скрывать это от Антона? Но с другой стороны, это не я тащила насильно его под венец.

Перед свадебным путешествием мы решили заехать к родителям, где мне опять пришлось играть роль любящей жены. Я улыбалась и шутила.

– Я надеюсь, вы скоро вернетесь, ведь путешествовать в таком положение пусть даже на маленьком сроке опасно.

– Мам, ну перестань, я уверена, что Тоша и волосу не даст с моей головы упасть, правда любимый? – обратилась я к Антону, бросив на него пламенный взгляд. В душе я ехидничала, а снаружи выглядело, будто я без ума от собственного мужа. Тоша ослепительно мне улыбнулся.

Мы уже ехали в направлении аэропорта, когда желание Антона прозвучало для меня ошеломляюще:

– Хотел бы я, чтобы хоть раз ты сказала мне это по-настоящему, – он посмотрел на меня выжидающе, – Что любишь.

– Тебе же не нужна моя любовь, – напомнила я.

Антон сжал зубы, отвернулся от меня и больше мы не разговаривали. В ту секунду мне показалось, что в глазах его проскользнуло сожаление.

Самолет приземлился в аэропорту Тулузы. Франция! Я давно мечтала посетить ее. И вот парадокс – в страну любви, в прекрасный город меня повез тот, кому моя любовь была не нужна. Тулуза прекрасный «розовый город», названный так из-за цвета зданий, находился на юге Франции между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Естественно, все было по высшему разряду: четырёх звёздочный отель Crowne Plaza, большой и красиво оформленный номер с элегантной мебелью, шампанское и лепестки роз на постели. Вот эти лепестки роз докончили меня окончательно.

– Зачем все это? – в запале спросила его я.

– Я всего лишь хочу, чтобы медовый месяц, был похож на медовый месяц, а не на похороны, – спокойствию Антона можно было позавидовать.

– Это невозможно, мы оба это знаем, – тихо сказала я.

Антон грустно улыбнулся.

– Я прошу тебя, ради себя самой, не порти все, наслаждайся. Ничего уже не изменишь, просто живи. Посмотри, как тут красиво.

Я промолчала, в какой-то степени он был прав. Почему бы не дать шанс себе и ему? И началась самая долгая, мучительная и в тоже время прекрасная неделя для меня. Антон исполнял любой мой каприз, мы были везде, где я только изъявляла желание быть, все тулузские магазины одежды были в моем распоряжении, музеи, выставки, экскурсии. В ответ

он требовал от меня только одно – ночи всецело принадлежат ему. С каждым днем я привыкала к нему все больше и больше, тем более романтическая обстановка только способствовала этому. Он знал, куда меня привезти. Через неделю я улыбалась и шутила с ним уже искренне, не так как раньше. В общем, я решила последовать его совету и просто жить. И, по возможности, наслаждаться. Но почему-то все равно чувствовала себя дешевкой, ложась к нему в постель каждую ночь. Несмотря на мои чувства, Антон проявлял невероятную нежность ко мне, стоило ему коснуться моего тела. В эти моменты я почти верила, что он любит меня.

Мы должны были лететь в Испанию, и я с неохотой прощалась с Францией. Он привез меня в историческую часть города Заморы, где находился старинный замок de Zamora, окруженный романскими костелами. Я прыгала от радости как ребенок. Неделю мы должны были пробыть там. Красота замка меня поражала: высокие потолки, гобелены, оружие на стенах, картины с величественными грандами – все это производило впечатление. И наша спальня, несмотря ни на что, привела меня в полный восторг: огромная кровать с высоким балдахином с белоснежным кружевом, старинные подсвечники и полумрак. Я была настолько счастлива и благодарна ему за красивую сказку, которую он для меня сделал, что в этот момент просто кинулась на шею к своему мужу и поцеловала. Он тут же ответил мне жарким поцелуем, казалось, он вложил в него всю страсть ко мне. Но продол-

жения не последовало – он резко от меня отошел. К моему глубочайшему удивлению меня это разочаровало. Неужели я настолько люблю секс? Он просто смотрел на меня и улыбался, и на какой-то момент его улыбка показалась мне злой.

Моя интуиция меня не подвела. Уже поздним вечером, когда служащие этого замка-отеля разошлись по домам, я неожиданно резким движением оказалась опрокинутой на кровать. Посмотрев в его глаза, я поняла, что вовсе не желание заставило его сделать это.

– Знаешь, – сказал он мне вкрадчивым голосом, – Сегодня по электронной почте пришло письмо. От Стрелковой Виктории.

Я все равно ничего ровным счетом не понимала.

– Очень интересная история, – продолжал он, – Как оказалось, ты познакомилась со мной не случайно. С ее братом ты все-таки спала. Вы поссорились, ты пошла в бар и познакомилась со мной. Случайно? Наверяд ли. Я не верю в случайности. Решила разогреть его ревность? Не подумала о том, что буду чувствовать я? Милая, тебе нужно было найти объект попроще, рабочего или инженера, например. Потому что, использовать бандита в качестве запасного аэродрома, а потом выкинуть его как ненужную тряпку нужно уметь. Дальше хуже, в ту ночь я попал в больницу, а ты впустила в свою постель Стрелка...

Вот она месть за брата. Браво, Вика. Я молчала, мои глаза

были расширены от ужаса происходящего. Антон испепелял меня взглядом, в его глазах я разглядела то, чего так хотела раньше. Он хотел меня убить.

– Ты была уже со мной, но переспала с ним...

Я продолжала молчать.

– Это правда?

Я чувствовала страх, поглощающий меня с головой.

– Это правда?! – заорал он так, что мне казалось, у меня барабанные перепонки лопнут. Лгать не имело смысла.

– Да.

– Я убью эту тварь! – крикнул он, и собрался выйти из комнаты. Я кинулась ему на шею.

– Нет, Антон, пожалуйста, не трогай его, это только моя вина... – я замолчала, увидев выражение его лица, оно было просто пугающим.

– Защищаешь его... – это был даже не вопрос.

– Он не причём. Он оказался фантастически похож на моего погибшего жениха. Когда Ян это узнал, он бросил меня, а я... я просто не хотела жить. С тобой я познакомилась только для того, чтобы... Чтобы ты помог мне... уйти из жизни. Я не хотела отношений, я хотела разозлить тебя, чтобы ты... – я замолчала, не в силах продолжить дальше.

Вот я и призналась во всем. На лицо Антона было страшно смотреть, он долго молчал и только через какое-то время бесцветным голосом произнес:

– Собирайся, мы возвращаемся домой.

Всю дорогу обратно он игнорировал меня, как пустое место, я кусала губы в догадках, что произойдет дальше.

Не успела я зайти в подъезд дома, как подъехали люди Антона. Он впихнул меня в машину, и мы уехали куда-то. Страх начал разъедать мою душу, и усилился в сто крат, когда я узнала дом, к которому мы подъехали. Это был тот дом, с подвальным помещением, где я была за две недели до свадьбы. Антон вышел из машины, развернулся и, не глядя на меня, пошел в дом. Меня же из нее просто выволокли. Я царапалась и кусалась, но должного эффекта это не произвело. Через пару минут я оказалась в том же подвале. Он хотел наказать меня, но как?

Когда в подвал спустились еще трое парней Антона, я все поняла. Он не собирался меня убивать, для этого достаточно одного человека.

«...Я отдам тебя своим людям, ведь именно этого ты больше всего боишься»...

Они начали медленно ко мне приближаться...

Я царапалась и кусалась, я дралась, так как умела, но разве я могла их обезвредить. Слезы застилали мои глаза, у меня началась истерика. Я выла как зверь и жаждала только крови...

Чьи-то сильные руки все-таки добрались до меня и,

неожиданно, встряхнули, сквозь помутненное сознание, я услышала голос Антона.

– Убирайтесь, я передумал!

У меня было одно желание – не подпустить, сдохнуть, но не позволить приблизиться.

– Лена, очнись, пожалуйста... – его голос почему-то не пугал меня больше, более того, я рада была его услышать.

– Лена, если хочешь, убей меня, но только очнись, посмотри на меня, пожалуйста...

И я вернулась. Антон сгреб меня в охапку, и качался вместе со мной в однотонном движении. Что-то обожгло мне щеку, и я с удивлением обнаружила слезы.

Но это не мои слезы, ... а ЕГО.

Он смотрел на меня умоляюще, из глаз текли слезы, но он вряд ли их замечал.

– Что ты со мной делаешь, – прошептал он, – Я не смог...

Что ж прекрасно, признание монстра в своей слабости к женщине...

Я была сломлена, убита... Я не знала, что смерть бывает такой. Когда ты дышишь, но не живешь, двигаешься и не чувствуешь этого.

Я не знаю сколько прошло дней и ночей. Я перепутала их. Иногда мое помутненное сознание меркло окончательно, но через какое-то время я снова понимала где я нахожусь и что вокруг происходит. Как – будто кто-то дергал тумблер

выключателя. Ко мне часто заходил Антон. Пытался говорить со мной, но я его просто не слышала. Его губы шевелились, но вместо звука был какой-то монотонный гул. В один день ко мне зашел незнакомый симпатичный парень и так же как Антон пытался со мной поговорить. Лицо у него было доброе, он улыбался мне. Потом, зачем-то начал светить мне в глаза каким-то фонариком и заставил выпить таблетки. Через день после этого я начала слышать не монотонный гул, а вполне нормальную речь. В глубине души я понимала, что потихоньку схожу с ума, но теперь это не имело никакого значения.

– Влад, скажи что-нибудь, ты же доктор! – громко говорил Антон из другой комнаты, – Она не разговаривает уже неделю, она отказывается есть, она сидит в одном и том же положении. Что делать?!

Если бы я могла усмехнуться, я бы это сделала, но мне так нравилось не двигаться и молчать, было бы еще лучше, если бы они все оставили меня в покое. Я даже как-то расстроилась из-за того, что снова стала понимать человеческую речь. По-видимому, Влад развел руками.

Уже вечером, Антон ввалился в мою комнату в сильном подпитии.

– Пожалуйста, заговори со мной, – умоляюще произнес он.

Зачем?

– Я знаю тебе плохо и больно, я виноват...

Ты знаешь, но вряд ли понимаешь масштабы содеянного.

– Если хочешь, ударь меня, накричи, но только не надо так...

– Как? – мой голос осип, казалось странным слышать свой голос в живую, а не внутри себя. Что-то снова во мне поменялось – я больше не хотела молчать, я хотела движений, хотела говорить. Мне даже стало интересно сколько дней я провела в коматозном состоянии.

Антон встряхнул головой, как будто прогоняя наваждение.

– Спасибо, – сказал он с видом побитой собаки, – Прости меня.

– Это все?

– Нет, – ответил он с грустной улыбкой, – Если бы я мог, я все бы исправил, мы начали бы все сначала.

Я встала, подошла к двери и, не оборачиваясь, сказала:

– Ты животное, злобное и дикое животное.

– Пусть я буду таким, – согласился он, – Но я люблю тебя.

– Я не верю тебе.

– Я докажу тебе это, – с уверенностью в голосе произнес он.

Я повернулась к нему.

– Если бы ты... не остановил их, я бы умерла. Мне почти это удалось.

– В тот момент я хотел, чтобы ты умерла.

– И ты говоришь, что ты любишь меня? – с ужасом спросила я его.

– Именно в тот момент, когда ты была в подвале, и я знал, что тебя ждет, я понял, что не могу... этого допустить, именно тогда, я понял, что люблю тебя.

Дикий хохот вырвался из моей груди, хохот вперемешку со слезами. Антон подскочил ко мне и сжал в объятьях. Я чувствовала его поцелуи на своих губах, шее.

– Любимая, родная, прости меня... Я никогда больше не причиню боли...

В ту ночь он любил меня как безумный, пытаюсь хоть как-то разбудить во мне тот огонь, который был в нем. Я не верила ему. Мне казалось, что я живу с монстром, который лишь играет в любовь...

Шли дни, я отдалилась от Антона, и иногда по ночам мне снился кошмар: подвал и трое ублюдков, надвигающихся на меня. Антон перестал мучить меня, и все чаще он не ночевал дома. Я не спрашивала его, где он был, когда утром он приходил домой, и от него пахло женскими духами. И так все понятно. Скоро его виноватый взгляд исчез, и появился новый – презрительный. Теперь он меня презирал. Презирал за то, что я не сделала даже попытки создать семью, но разве я хотела этого изначально? В один из таких вечеров я решила поговорить с ним.

– Антон, пора прекратить этот фарс, – он сидел возле

недавно сделанного камина, попивая вино.

– Я не дам тебе развода, если ты об этом, – сказал он холодно.

– Но зачем все это? – я стремительно подошла к нему, – Ты не ночуешь в собственном доме, твои девочки меняются одна за другой... Странно, что ты сегодня дома. ... Отпусти меня, Антон.

Он посмотрел на меня, как будто хотел найти в моих глазах ответы на свои вопросы и через минуту, отвернувшись, сказал:

– Нет.

Когда-то я начала один обман, который повлек за собой череду сплошной лжи. Вся моя жизнь была сплошным фарсом.

Прошел год со дня нашей свадьбы, родители тонко бросали намек на внука, а я молчала. По поводу беременности, из-за которой, якобы была свадьба, вопросов не было – мы сказали, что просто ошиблись. Антон не заговаривал со мной об этом, если вообще можно было назвать наши односложные ответы общением. У него на стороне появилась постоянная девочка – Лилия. Я молчала.

– Ты бездушная, – однажды бросил мне он. Если бы он знал, какие кошмары мучают меня по ночам, то возможно, не сказал бы так. Если бы он знал, что в последнее время его измены причиняют мне боль. Возможно ли полюбить своего

мучителя? Любовь ли это или Стокгольмский синдром? Ясно было одно – мы оба мучаем друг друга.

Я сидела в кресле и смотрела на огонь, как вдруг в комнату ввалились мой муж со своей любовницей. Они громко смеялись, Лилия еле держалась на ногах, а мой муж поддерживал ее. Он казался более трезвым, чем она. Боль полоснула по сердцу – он привел ее в наш дом.

– У тебя есть совесть, Антон? – произнесла я.

– Я в своем доме и могу приводить кого захочу.

– Ты ведешь себя как свинья, – усталость я чувствовала безмерную.

– Ну, не чета тебе, – ухмыльнулся он.

– Что это значит?

– Это значит, что я дам тебе развод.

– Дело в том, – пробормотала пьяная Лилия, – Что мы ждем ребенка, поэтому решили создать семью...

Она что-то еще бормотала, но я уже не слушала. Ребенок... Маленький мальчик, похожий на своего отца как две капли воды... Антон, наверное, счастлив...

Я очнулась в собственной постели, возле меня сидел Влад, наш семейный доктор.

– Ну, что моя дорогая, и как вы умудрились себя довести до нервного срыва?

– Я не знаю...

– Всегда один и тот же ответ, а ваш муж тем временем с ума сходит, он поднял на уши всю нашу клинику. Лена, так нельзя...

Муж... Антон еще не ушел? Почему он здесь? Почему не носит на руках мать своего будущего ребенка, а ждет пока его ненормальная жена придет в себя?

– В общем, так, я вам прописываю полный покой, лекарства и никаких нервов, понятно?

– Да, Влад, спасибо тебе, – это уже произнес мой муж, я и не заметила, как он вошел. Пожелав нам всего доброго, Влад ушел.

Глядя на Антона, я разревелась. Все кончено, теперь точно.

– Уйди, прошу тебя... – прокричала я ему.

Он подошел ко мне и обнял.

– Хватит мучить себя и меня, – сказал он серьезно, – Я не безразличен тебе, это ты мне вчера дала ясно понять.

– Нет, – сказала я и мотнула для убедительности головой.

– Лена, любимая, ну что ты как маленькая, – он погладил меня по голове.

Любимая. ... Сто лет не слышала от него этих слов.

– Какая разница как я к тебе отношусь, у тебя будет сын или дочь...

– Нет, Лилия не беременна, – ответил он, мне, улыбаясь, – Этот спектакль был для одного зрителя, для тебя. С Лилией мы расстались месяц назад, когда я понял, что ты любишь

меня. Я и с ней был только для того, чтобы забыть тебя – не получилось...

– Ты чудовище...

– Пожалуйста, выслушай меня, – перебил он, – Я знаю, что я виноват перед тобой, я заставил тебя выйти за меня замуж, я подверг тебя опасности... Но я сходил с ума, от осознания того, что ты меня презираешь, или того хуже, что ты равнодушна ко мне. Когда тогда ты вошла в бар, я понял, что пропал. Никогда не верил в любовь с первого взгляда, а тут пришлось ощутить это на собственной шкуре. Было видно сразу, что ты не из местного контингента. Ты была чистой, светлой и очень красивой. Я был счастлив, когда ты обратила на меня свое внимание. Черт меня дернул узнать про тебя больше. Я словно сошел с ума. Но я решил, будь, что будет, я заставлю тебя быть со мной. Но когда сестра Стрелка прислала письмо, я не знал куда деваться от боли, а своим признанием, что во мне ты видишь киллера для себя, ты меня просто уничтожила. Только после того, что я натворил, я понял, что, причиняя боль тебе, причиняю ее себе. Я пытался тебя забыть, но не смог... Месяц назад все изменилось. Я вернулся домой поздно ночью, прошел в комнату, чтобы лечь спать и услышал, как ты плачешь... Ты плакала во сне, мне захотелось обнять тебя, чтобы защитить, но я боялся, что ты опять меня оттолкнешь. Я стоял и смотрел, как ты мучаешься... Через минуту все изменилось: ты звала меня, звала так, что я еле удержался, чтобы не кинуться к тебе и не обнять. Я не стал

тебя будить, но подошел и поцеловал, а ты призналась, что любишь меня...

Я сидела окончательно смущенная.

– На следующий день, я расстался с Лилией. Но я знал, что никогда и ни за что ты в этом не признаешься, я слишком сильно обидел тебя в самом начале нашей жизни, мне нужно было добиться от тебя правды, и я заплатил Лилии за этот спектакль...

Антон смотрел на меня как раньше, нет, наверное, еще лучше. Мое сердце билось очень сильно. Я врала не только тебе, но и самой себе, – подумала я, – Как же я не заметила, что ты стал для меня самым близким человеком?

Я смотрела на него немного удивленным взглядом, его глаза улыбались, просто светились от счастья, он был уверен, что теперь все будет хорошо. Но у меня была тайна, которая касалась и его. Тайна, которая могла пустить нашу новую жизнь под откос. Я должна была сказать, просто обязана.

– Есть еще кое-что, чего ты не знаешь обо мне, – обреченно произнесла я.

Антон насторожился, слишком много сюрпризов я преподнесла ему за год нашей супружеской жизни. Я замолчала, в нерешительности, а Антон вздохнул.

– Давай, уж говори, теперь это не важно. Мы начнем все с нового листа.

– Это очень важно, Тош, настолько, что я пойму, если ты захочешь развода.

Если бы я сказала, что через минуту на нас упадет метеорит, это бы произвело меньшее впечатление на него.

– Я не могу иметь детей, – произнесла я и пристально посмотрела на него. Он молчал, в глазах застыл неподдельный ужас.

– Какая же я скотина, – простонал он.

Что? Почему он обвиняет себя?

– Прости меня за сцену с Лилией, я не знал, как это для тебя...

Вот в чем дело.

– И это вся твоя реакция? Антон, я не смогу родить тебе сына...

Он прервал меня поцелуем, нежным, ласковым.

– Есть клиники, которые нам помогут, там отличные врачи.

– Правда? – с надеждой в голосе спросила я.

– Правда, – ответил он мне, улыбаясь.

Это была первая ночь, когда я отвечала ему, когда я отбросила все страхи и сомнения, когда между нами больше не было преград.

Прошло полгода с момента лечения в лучшей заграничной клинике, а результатов не было. Антон успокаивал меня, что некоторые пары тратят на это гораздо больше времени, но все чаще и чаще я видела его задумчивым и отчужден-

ным. Еще через полгода, наша семейная жизнь дала трещину. Он отчаялся и начал отдаляться от меня. Я глотала слезы, но молчала. Мне не в чем было его упрекнуть, в последний год он стал идеальным мужем: открыл свое частное сыскное агентство, много времени уделял мне, старался все сделать для семьи.

Бедра случилась неожиданно для меня. Я без предупреждения заехала к нему на работу и застала его с секретаршей – глупо, банально и больно. Я не устраивала сцен, я просто ушла. В этот же день я собрала вещи и переехала в свою квартиру, где жила до свадьбы. Он пришел поздно вечером. У него хватило ума не оправдываться, он просто стоял и смотрел на меня.

– Пойми меня, – через минуту произнес он.

– Понимаю, – спокойно сказала я, – Я подала на развод сегодня.

Слово развод на него подействовало как красная тряпка на быка.

– Это глупо! – выкрикнул он.

– Глупы были мои надежды на счастливую жизнь, мне не дано!

– Нет, – выдохнул он и подлетел ко мне. Я начала отталкивать его, но Антона это только распалило, через минуту наша одежда валялась где-то в углу комнаты.

– Я люблю тебя до сих пор, маленькая моя... – с какой-то болью в голосе произнес он.

Он больше не хотел мучиться, он больше не хотел любить.

Я уехала из города рано утром, когда он еще спал. Уехала далеко, так чтобы он не нашел. В другом городе я нашла работу, зарплата была мизерной, а если учесть, что привыкла жить на широкую ногу, то можно сказать, что я работала бесплатно. Ее еле хватало, чтобы снять квартиру и что-то купить из еды. Но я ни за что не вернусь, я устала причинять боль близким мне людям. Антон мучился, он хотел ребенка, а я не могла ему это дать. Начиная, с тех пор как мы встретились, он страдал, сначала от моей холодности, потом от моего эгоизма. Заставлять его жить со мной без надежды на полноценную семью – это эгоизм с моей стороны. Без меня будет лучше, он не останется один.

Потекли дни, однотонные и тоскливые, я завела подруг и иногда вечерами, после работы мы сидели в кафе. Я не сильно страдала, искренне веря в то, что мой ласковый и нежный зверь найдет свое счастье.

Через месяц прошлое вернулось ко мне. В то утро я встала разбитая как никогда, меня мутило, еще через минуту я ринулась в ванную комнату. Догадка пришла мгновенно... Врачи помогли... Я была беременна. Со своими проблемами я совсем забыла, что у меня нарушился цикл, оказывается, это было вовсе не нарушение. Меня настолько ошеломила эта мысль, что я минут пять стояла перед зеркалом как вкопанная.

А еще через пять минут, в мое убежище вломилась люди Антона, и он сам собственной персоной. Он грубо схватил меня, и я испугалась.

– Антон, пожалуйста, не надо, я жду ребенка... – взмолилась я, инстинктивно прикрывая свой живот рукой. Антон отшатнулся от меня.

– Ты беременна? – потрясенно переспросил он, но через минуту в его глазах появилась злость.

– От кого?

Меня возмутил этот вопрос, но зная нрав Антона, я его ожидала.

– Как ты можешь! – с горечью бросила я, – Ведь ты знаешь, что это твой ребенок!

– Не уверен, – жестко ответил мне он, – Тебя не было ровно месяц, ты банально сбежала, сбежала от меня, от проблем.

– Я хотела дать тебе шанс, на более счастливую жизнь, – начала оправдываться я.

– А у меня ты спросила, нужна мне такая жизнь?

– Пойми, я тогда потеряла надежду, а ты бы лет через пять возненавидел меня.

– Своим уходом ты почти этого добилась, я хочу ненавидеть тебя, правда у меня это плохо получается, – он сказал это с тихой яростью. Мне стало больно, невыносимо больно от этих слов.

– Уходи, – глухо сказала я.

– Не забывай, ты все еще моя жена, – он помахал перед

моим носом заявлением о разводе, которое я неосмотрительно отправила с местного главпочтамта, что дало ему шанс найти меня. Я поджала губы.

– Как это понимать?

– Собирайся, ты едешь домой.

Я отрицательно покачала головой.

– Не вынуждай меня забирать тебя силой.

Ну что мне с ним делать?

Я подчинилась, впрочем, как всегда. За последние два года меня начало убивать постоянное чувство вины, ощущение, что я делаю не то и не так. Убегая от Антона, я убегала не только от проблем, я убегала от этого чувства виноватости во всем и всегда, впрочем, я убегала от самой себя. Иногда мне казалось, что уже мое рождение на этот свет было сплошной ошибкой, я не подхожу для этого мира, для этого века, мне не уютно. Вот и сейчас, сидя в машине около Антона, кроме обиды на его грубость, я испытывала чувство вины, за то, что заставила его страдать. Боже, как это все сложно!

Испытывать к человеку сильную привязанность, но в то же время и желание прибить, чем-нибудь потяжелее...

– Это действительно мой ребенок? – услышала я вопрос, от которого мне снова захотелось стукнуть его.

– Да, – ответила я сухо.

– Почему не позвонила, не сказала? Я бы сразу приехал.

Ведь все наши проблемы были связаны именно с этим.

– Я сама узнала об этом за пять минут до твоего приезда.

– Ты не была еще у доктора? – взволнованно спросил он меня, – Ты не можешь ошибаться? – последнее слово он произнес так тихо, что я еле расслышала.

– Утренний токсикоз не спутаешь ни с чем, поверь мне.

Но все-таки он повез меня в клинику Влада, я сдала все необходимые анализы.

На следующий день, мы поехали узнать результаты, и оба нервничали. Перед самым входом, он остановил меня, пригнул к себе и сказал:

– Родная, если не получилось, мы просто попробуем еще раз... Не сбегай больше. Ты мне нужна, я... Просто пропаду без тебя.

Я тихо вздохнула.

Нас встретил Влад и провел в свой кабинет.

– Я поздравляю вас, пришли анализы, и да, ты беременна, – ответил он на мой мысленный вопрос. Боже... я испытывала бурю эмоций, но когда я посмотрела на мужа, то поняла, что мои эмоции ничто по сравнению с его. На лице шквал разнообразных чувств: сомнения, радость, облегчение, и в то же время напряжение, и просто счастье. Только сейчас я осознала, насколько сильно он хотел ребенка.

– Естественно существует ряд опасностей, на таком маленьком сроке... – начал Влад. Но, Боже кто его слушал! Хо-

тя, когда я в очередной раз посмотрела на Антона, то обнаружила, что он не просто внимательно слушает Влада, а буквально впитывает как губка.

Как только мы зашли домой, Антон поднял меня на руки и закружил, я засмеялась. Он был счастлив. Я была счастлива. Я мысленно поблагодарила Бога за этот подарок. Подарок, который возможно мы не заслужили, но долго вымаливали. Дальше потекли счастливые дни. Он нехотя уходил на работу и старался быстрее вернуться домой, Антон окружил меня вниманием и заботой. И даже когда у меня были постоянные перепады настроения, он мужественно их переносил. Я могла разбудить его посреди ночи и отправить за чем-нибудь немислимым в плане пищи, но таким желанным для меня на тот момент. Мы вместе ходили по магазинам, и он как заправский отец, покупал пеленки, распашонки, чепчики, погремушки. Скоро наш дом начал напоминать детский магазин.

На седьмом месяце беременности, мне стало тяжело ходить, мой живот был просто громаден, чем вызывал гордость моего мужа. Сын будет крепеньким. УЗИ показало, что это будет мальчик, но я и так знала. Я уже давно разговаривала с малышом, лежа на диване и поглаживая живот, я рассказывала ему про его отца, про то, как мы его любим и ждем. Антон приходил в восторг, при каждом его шевелении и пинке.

На девятый месяц я забыла, что такое сон, мой малыш спал днем, а ночью у него начиналась активная жизнь. Ан-

тон потерял сон вместе со мной, несмотря на уговоры, он не спал ночами, как и я, пытаясь поглаживаниями и разговорами уговорить малыша и дать мне поспать, иногда у него это получалось, и я засыпала, под его тихий говор.

Подошел срок родов, все уговаривали меня лечь в больницу, но я была непреклонна.

– Когда начнутся схватки, тогда и поеду, – упрямылась я. И они уступили. В беременность мое упрямство приобрело колоссальные размеры.

Ночью я почувствовала боль, и через какой-то период времени отошли воды. Антон носился как безумный, если бы он мог он поставил бы на уши весь город. Приехала скорая, и меня повезли в больницу.

Через пару часов, боль стало невозможно терпеть. Я держала мужа за руку и смотрела на него измученными глазами. Держала за руку... это, наверное, слабо сказано, я вцепилась в нее с такой силой, что иногда мне казалось, что я ее сломаю.

– Любимая, дыши глубже, – успокаивал меня Антон. Он был бледен и при каждом моем вскрике бледнел еще больше. Я не могла смотреть на его страдания, они мешали мне, заставляли страдать сильнее, отвлекали от малыша. Странно, что доктор вообще позволил ему присутствовать при родах, хотя для Антона нет ничего невозможного.

– Антон, уйди, прошу тебя! – выкрикнула я при очеред-

ном приступе боли.

Но он только покачал головой.

– Наверное, ты ненавидишь меня сейчас, – обреченно произнес он.

Я хотела сказать ему, что он дурак, но дыхание сперло, а пронзительная боль накатывала волнами, которым казалось, не будет конца.

Еще через час мое сознание стало мутным, я уже плохо соображала, я не могла говорить, я плавала где-то между болью и сном. Но все еще слышала.

– Родная, милая, прости...

Это Антон, винит себя, не понимая, какое счастье он мне дал... Боль кончиться. Когда-нибудь. Она ведь должна кончиться? Дальше тишина, долгая мучительная. Почему она не кончается? И вскрик моего сына. Громкий такой. Мне поднесли его к груди...

Темнота. И тишина. Я уже не помню, когда она началась, и не знаю, когда она закончиться. Я пытаюсь звать, но меня никто не слышит. Но почему? Я ведь кричу изо всех сил! Где Антон? А мой сын? Почему они не дают мне его?

– Мальчик здоров, крепенький... Но мать в очень тяжелом состоянии.

– Чем я могу помочь, все что угодно...

– Молитесь... Мы делаем, все возможное...

– Господи, нет, пожалуйста, не отнимай ее у меня...

Я плыву по сверкающим волнам, они обволакивают меня, мне уже не больно. ... И так хорошо... Спокойно. Свет вдалеке, очень яркий... Я иду к нему... Там кто – то стоит и протягивает мне руку... Я пытаюсь рассмотреть парня... Что-то знакомое в его фигуре, кто бы это мог быть?

Алексей! Алексей! Мое солнышко! Я так долго тебя искала!

– Доктор, пожалуйста, помогите ей! Я заплачу любые деньги.

– Антон, мы делаем все возможное и даже невозможное! Успокойтесь.

– Она не должна умереть, только не она...

Я подбежала к нему. Он улыбался.

– Здравствуй, – раздался его умиротворенный голос.

Он не изменился, такой же красивый, хотя нет... что-то поменялось...

– Тебе идут крылья.

Он совсем по-ангельски рассмеялся. Свет, яркий, волшебный, теплый, убаюкивающий...

– У нее падает пульс!

– Боже, да сделайте вы хоть что-нибудь!!!

– Или вы успокоитесь или выйдите отсюда!

Я не хочу уходить, здесь так спокойно, хорошо. Здесь нет боли. Алексей покачал головой.

– Тебе еще рано.

Но я не хочу возвращаться! Почему я должна?

– Они ждут тебя. Твой муж и сын.

Муж..., и сын....

– Пульса нет! Скорее же ну...

– Родная, вернись!

Я услышала. Он звал меня.

– Иди, тебе сюда действительно рано.

Его улыбка, свечение, мягкие крылья. Прощай, Лешка.

– До свидания... – я не знала, что ангелы умеют ухмыляться.

– Слава Богу! Пульс нормализовался.

– Спасибо, любимая, спасибо, что вернулась.

Боль вернулась вместе со мной. Почему люди должны испытывать боль? Боль при рождении, боль, когда умираешь. Боль – вечный спутник человеческой жизни...

Там нет боли. Есть только спокойствие и радость, несравнимая с человеческой.

– Пожалуйста, не бросай меня больше, не уходи....

Я не уйду, честно. Антон? Почему он не слышит меня?

– У нас родился прекрасный мальчик, здоровенький, у него твои глаза... Ты нужна ему.

Да, мой сын. Ты будешь против, если я назову его Алексеем? Хотя нет, пусть это имя останется только в моем сердце...

Глава 3. Тени будущего

«Будущее укрыто даже от тех, кто его делает».
Анатолий Франс

Прошло пять лет, с тех пор как я очнулась и увидела мертвенно-бледное лицо моего мужа. Я никогда не забуду этот день. Мне принесли моего сына – Кирилла. Я не забуду тот страх и ту безмерную любовь, которую я увидела на лице Антона.

– Спасибо, что вернулась, – слова полные благодарности, нежности, и чего-то такого, что вряд ли в полной мере подходит под определение слова «любовь». Я видела, как он смотрит на нас, когда я первый раз начала кормить сына. Он боготворил меня. Меня и Кирилла.

Я не узнавала его. Он стал очень заботливым, Кирилл был достаточно спокойным ребенком, но в те единичные бессонные ночи, Антон подходил к сыну и всю ночь на пролет качал его на руках, мурлыча под нос какую-то колыбельную. А утром, без единого раздражительного взгляда уезжал в свое агентство. Первые три года после рождения сына я чувствовала будто попала в сказку. Я боялась, что она закончится, но так хотелось поверить в нее до конца. Антон баловал сына, вагоны игрушек: машины, танки и, конечно, пистолеты. Когда сыну исполнилось три года моя сказка мед-

ленно, но верно пошла на убыль. Антон тщательно скрывал свою деятельность, дабы не расстраивать меня. Он вообще меня не расстраивал. Так, что все шло очень замечательно. Для меня. Для Кирилла. Но не для Антона. Я знала о роде его деятельности, меня на время успокоило то, что он открыл сыскное агентство, я даже начала наивно предполагать, что с криминалом он завязал. И теперь спустя пять лет, я убедилась, что, ввязавшись один раз невозможно выбраться отсюда. По крайней мере, живым.

Пару раз к нам домой приходили так называемые «друзья детства». Я старалась убирать Кирилла с глаз долой, при таких встречах, отправляя его к бабушке. Меня бросало в дрожь от их лиц и наглых по-хозяйски взглядов. Антон будто вовсе не замечал их наглость в общении. В последнее время таких встреч стало слишком много.

В очередной раз они несколько часов беседовали о чем-то на кухне. Когда они ушли, я устроила ему допрос.

– Когда это кончиться?

Антон посмотрел на меня, и его брови изумленно поползли вверх.

– Что именно? Эти люди приходили по делам агентства.

– И три дня назад тоже? «Люди из агентства», – передразнила я его, – Ты их рожи видел?

– Ты у нас теперь физиономист? – раздраженно бросил он, – Ко мне в агентство обращаются не сплошь ангелы, прошу заметить!

– Хватит из меня законченную дуру делать! – в ярости воскликнула я.

Антон посмотрел на меня как-то по-особому и, вздохнув, произнес:

– Ты прекрасно знаешь, с кем живешь. Я, кажется, никогда от тебя этого не скрывал.

– Я боюсь за Кирилла, пойми.

Он тяжело вздохнул.

– Вот поэтому это никогда не закончится.

Что он хотел этим сказать? Кириллу что-то угрожает? У меня внутри все похолодело.

– Антон...

– Разговор на эту тему закончен, – он разговаривал со мной как с маленькой. Даже хуже, детям хоть что-то объясняют.

– Я имею право знать! – я гордо вздернула подбородок.

– Возможно, тебе некоторое время придется пожить у родителей, тебе и Кириллу, – задумчиво произнес он.

Вот этого я совсем не ожидала услышать. Неужели все так серьезно?

– Нам что-то угрожает? – еле слышно спросила я.

– Нет, – вздохнул он, – Это просто меры предосторожности.

Все время пока я собирала вещи Кирилла и свои, я материлась как заправский сапожник. Ну, неужели надо все так усугублять! Почему нельзя пожить спокойно, без приключе-

ний, без надрыва в сердце. Завязать, в конце концов, со всем этим дерьмом!

Я тяжело вздохнула, конечно, я понимала, что это на словах все так просто завязать...

Когда Антон положил наши вещи в багажник джипа, я поняла насколько все серьезно – мы никогда не ездили на этой машине, бронированной так, что даже обычная граната его не возьмет. А когда в джип втиснулись еще пара ребят из личной охраны моего мужа, то у меня возникло просто непреодолимое желание запаниковать.

Антон подошел, поцеловал сына, и, пристально глядя на меня сказал:

– Это ненадолго, я обещаю.

От испуга я не смогла даже попрощаться.

Через полтора часа, я была уже у родителей, в родном городе. Они, конечно, удивились, видя меня с вещами, и тихонько спросили, не поссорилась ли я с Антоном. Мне пришлось наскоро придумать историю о командировке мужа, и то, что я не хочу быть одна, вот и приехала погостить к ним. Родители, естественно, сделали вид, что поверили мне. Что им оставалось делать?

Потекли однотонные скучные дни. Конечно, мне не давали скучать мои вечно молодые родители, и уж, тем более мой сын. Но никто из них не знал, чем сейчас занимается Антон. Я не могла ни с кем поделиться своими страхами. Женщи-

ны испокон веков сидят, ждут своих мужей, молятся, переживают и от этого быстрее стареют. Перед глазами всплывали все ужасы, которые я могла себе представить. Этого было достаточно для того, чтобы у меня пропал аппетит и сон. На четвертый день пребывания в родных пенатах, я извелась окончательно. Антон не брал трубку телефона и не звонил сам. Просыпаясь утром, в постели, в которой я просыпалась на протяжении 18 лет, я иногда думала, не приснилось ли мне все это? Но слыша переливистый смех Кирилла, я понимала, что нет, не приснилось.

На седьмой день Антон приехал, даже не предупредив нас об этом, и коротко приказал собрать Кирилла.

Я наспех швыряла вещи сына в чемодан и шипела на Антона, настолько тихо, чтоб не слышали родители.

– Что происходит? Почему ты забираешь Кирку и оставляешь меня? Куда ты его везешь? Как он сможет там без меня?

Усталость на его лице была безмерная, было видно, что он не спал несколько ночей, и скорее всего не ел тоже. Глубокая складка между бровями говорила, что он находится в постоянном напряжении.

– Не волнуйся. С ним все будет хорошо, о нем позаботятся мои родственники. Просто чем дальше сейчас Кира, тем я спокойнее.

– А если...

– Никаких если... – его лицо передернулось от страха

за меня, – Ты будешь жить и воспитывать нашего сына. Адрес я тебе позже передам. Я хочу, чтобы вы некоторое время побыли в разных местах, а не в одном.

Не храни все яйца в одной корзине – кажется, так говорят? Он хотел поцеловать меня, но остановился на пол пути. Я знала, что так еще тяжелее уходить. Знала, но так соскучилась, что сама сделала те шаги, которые не смог сделать он.

– Ты мне когда-нибудь расскажешь, что происходит.

Он помотал головой и ухмыльнулся. Через пять минут я смотрела, как тот же джип увозит уже двух дорогих мне человечков. Я не знала, что сказать отцу и матери, после того, как Антон увез сына. Но странно, вместо расспросов была тишина. Мама, было, начала задавать их, но отец грозно на нее прикрикнул и недобро посмотрел на меня. На этом все закончилось. Подозревал ли он о деятельности Антона? Думаю, да.

Почти неделю я бесцельно бродила по родному городу, безумно скучая по сыну и мужу. Конечно, Антон звонил мне почти каждый день и рассказывал, как дела у Кирилла. О себе он молчал. Я молилась, молилась так, как никогда, но вряд ли Бог слышал меня, Он не будет помогать же не бандита. Иногда я задумывалась, убивал ли когда-нибудь мой муж? И никогда не отвечала себе на этот вопрос. Я боялась знать правду. Я боялась признаться себе в том, что живу с убийцей...

Под конец второй недели, мной завладела апатия и тос-

ка. Мои родители прекрасно понимали, что что-то случилось в моей семье, но не лезли с расспросами, за что я была им благодарна. Они даже были настолько тактичны, что уехали на дачу к друзьям на пару деньков, тем самым давая мне время побыть одной. Целый день я слонялась по квартире в поисках какого-либо занятия, но ничего не находила. У мамы всегда было все в полном порядке. В конце концов, я бросила это бесполезное занятие и тоскливо уставилась в телевизор. Где-то около двенадцати часов ночи, на улице просигналила машина. Я подскочила к окну и радостно взвизгнула – машина Антона! Стремглав, я спустилась по лестнице, и готова уже была кинуться на шею мужа... и остановилась как вкопанная.

Из машины вылез Влад. Наш доктор. Я изумленно уставилась на него.

– Поехали, ты нужна Антону.

Я села в машину, собираясь спросить у Влада, что произошло, но наткнулась на его измученный и усталый взгляд. Выглядел он не лучше, чем мой муж накануне.

– Ты тоже не спал целую вечность? – это единственное, что я отважилась спросить у него. Он не ответил. Мы ехали несколько часов, а он молчал, меня начала нервировать эта тишина. Когда казалось, что терпению моему настал конец, Влад заговорил:

– Мы подъезжаем. Ему нужна твоя помощь сейчас. Он ранен.

– Он жив?

– Да, без сознания, ранение вскользь. Ничего жизненно важного не задето, но... потерял много крови.

Слезы выступили у меня на глазах.

– Чем я могу помочь, – простонала я – Что я вообще могу для него сделать?

– Он выживет, Лен, – сказал Влад с уверенностью, – Это я тебе как врач говорю.

Заверения Влада меня немного успокаивали.

– Ты-то как попал во все это? – невольно спросила я у него.

– Кто знает, как мы все туда попадаем? – пожал он плечами.

– Ты же врач, Влад...

– Да, врач, причем, очень хороший хирург. Моя клиника построена на деньги Антона, оборудование закуплено на деньги Антона. Все на деньги Антона. Это была моя мечта – собственная клиника. Я был хорошим врачом, но зарплата, в общем, сама знаешь...

Я утвердительно кивнула.

– Антон помог мне на первых порах, он даже не оформил клинику на себя, хотя там каждый гвоздь куплен на его деньги, он просто стал дольщиком, даже не партнером. Я должен ему и дело не только в деньгах. Я помогал его ребятам, вытаскивая из них пули. Теперь настал черед Антона. Он не просто очередной браток, он друг...

Я понимала Влада, он переживал, не имея право на ошибку. Вскоре мы подъехали к какому-то загородному дому, войдя туда, я поняла, что это не просто дом, а та самая скрытая ото всех часть клиники, где Влад спасал жизни далеко не законопослушных граждан. Здесь был и Антон.

Зайдя к нему в палату, я пришла в ужас от его мертвенно-бледного лица. Куча трубочек, подсоединенных к нему и к аппаратам, которые я видела только в фильмах. Я беспомощно огляделась на Влада. Он обнадеживающе мне улыбнулся и слегка подтолкнул к кровати, на которой лежал Антон. Я подошла неровной походкой и взяла мужа за руку. Минут пять я молчала и тихонько всхлипывала. Потом меня прорвало: я говорила и говорила, не умолкая, говорила то, что возможно никогда не сказала бы ему раньше. Мне было все равно, слышит меня Влад или еще кто-нибудь. Для меня было важно, чтобы услышал он, чтобы услышал, как он нужен мне и Кириллу.

Влад зашил рану и перелил ему донорскую кровь, вроде бы, все прошло удачно, но Антон не приходил в себя. Я сидела ночами у его кровати и говорила, отрываясь на непродолжительный сон, за что Влад очень сильно меня ругал.

На пятый день, Влад почти силой оттащил меня от него.
– Ты сойдешь с ума, если не будешь спать или помрешь с голоду, если не будешь есть! Все, мы с тобой идем в кафе. Кафе он называл буфетную больницы. Я настолько измучилась за эти дни, что легко согласилась. Мы сидели за сто-

ликом, я молча заглатывала пищу, даже не чувствуя, что я ем.

– Ты не представляешь, как я устала общаться с чужими людьми, которые уверяют меня, что с Кириллом все хорошо, – нарушила я молчание.

– Антон не отдал бы сына плохим людям, тем более это его родственники, – ответил Влад.

– Я хочу его забрать.

– Еще рано, еще ничего не кончилось, – сказал Влад и прикусил язык.

– Ты все знаешь и молчишь! – зашипела я на него.

– Антон запретил тебе это рассказывать, – попытался оправдаться он.

– Мне плевать, что он запретил! Я имею право знать, почему я и мой сын подвергаемся опасности!

– Наверное, ты права, – Влад опустил глаза, – В городе передел власти, прежнего хозяина скоростижно отправили на тот свет и ...да, здравствует новый король!

– И кто же должен стать этим новым королем? Антон?

– Нет, – засмеялся Влад, – Сизов.

– Сизов... где-то я уже про него слышала...

«-Почему ты не сказала, что ты девочка Стрелка?

– Кого?

– Стрелкова Яна Валерьевича, прошел Чечню, наемником, в данный момент входит в бригаду Сизова, его правая

рука»...

Ну да.

– И за кого мы болеем? – иронично спросила я.

Влад снова рассмеялся.

– За Сизова, конечно.

– Сизов, Сизов... я ничего про него не знаю! Расскажи мне о нем.

– Антон точно меня убьет, – вздохнул Влад.

– Не убьет, кто потом так мастерски из него пули будет вытаскивать.

– Ну, хорошо, – сдался он, – Сизов Владимир Анатольевич, 65 лет, вор. На тюрьме получил кличку Кремень, но на воле она, почему-то, не прижилась. Из 65 лет 30 провел на зоне. В данный момент владеет крупным ресторанным бизнесом. Его правая рука Ян, по кличке Стрелок, парень серьезный, себе на уме. В данный момент мы работаем на них. Общие дела, знаешь ли.

Да-а-а... Закрутилось то... Не думала я, что когда-нибудь встречу еще Яна. А в принципе, зачем мне с ним встречаться? Пожалуй, Антон прав, что увез Кирилла подальше отсюда...

– Больше ничего не скажешь? – спросила я Влада.

– Нет, я и так сказал больше чем нужно.

Как не уговаривал меня Влад отдохнуть в комнате для гостей, я все-таки снова пошла в палату к Антону. Половину

аппаратов убрали, что говорило о том, что он идет на поправку. Я как всегда села возле него и рассказала ему, как прошел мой день и как дела у нашего сына.

– Мм... Занимательный рассказ, – от голоса мужа я вздрогнула и еле сдержала себя, чтобы не броситься ему на шею.

А в следующую минуту его слова прозвучали для меня как гром среди ясного неба:

– Девушка, а вы кто?

Я начала хватать ртом воздух, на мое спасенье в палату зашел Влад.

– Как себя чувствуешь? – спокойно спросил он, в то время пока я пыталась прийти в себя.

– Да вроде бы не плохо, док.

– А что с Ленкой не знаешь? Она как будто дар речи потеряла, – смеясь, спросил Влад.

– Понятия не имею... Я вообще ее в первый раз вижу.

В палате настала гробовая тишина.

Влад обследовал его и через непродолжительное время изрек:

– У него временная потеря памяти.

– Ну, ты знаешь, это известие явно облегчает дело, – связвила я.

– Зачем ты так, мне самому не доставляет это никакого удовольствия, – обиделся он.

– Прости...

– Минуточку! – загорланил мой муж, – Кто вы такие, черт бы вас побрал?

– Неужели ты действительно ничего не помнишь? – я с тоской посмотрела на Антона. Все как всегда, мне везет как утопленнику.

– Антон, это твоя жена Лена, я твой друг и врач Влад, а еще у тебя есть сын Кирилл, ему пять лет.

– Угу, – проворчал Антон, – А еще собака, кошка и злобная теща в придачу с дачей!

– Черт, да почему ты не можешь просто поверить! – взорвалась я.

– По крайней мере, недоверие к людям у него осталось, – сделал вывод Влад и покосился на меня, так как я злобно на него рыкнула.

Терпению моему должен был быть предел, и он настал. Сначала смерть любимого парня, когда мне еле стукнуло восемнадцать, потом Ян с его сногсшибательной похожестью, теперь Антон, который сначала заставил меня выйти за него замуж, а теперь, когда я безоговорочно в него влюбилась он взял и как специально потерял память! Да, что ж это такое!

– Я ненавижу тебя, – сквозь зубы произнесла я, указывая на Антона, – И тебя, – мой взгляд переместился на Влада, – И вообще всех! Вы меня достали! Идите вы все к черту! Я заберу сегодня Кирилла и уеду из этого проклятого города!

Я пулей вылетела из палаты. Пока я чертыхаясь бежала по коридору на меня оглядывались все – от редких посетителей, до обслуживающего персонала. Только очутившись на улице, я поняла, что до города мне добраться просто не на чем. Я была настолько зла, что не сразу заметила, что Влад бежит за мной. Когда заметила, было уже поздно, он догнал меня и схватил за руку.

Ничего себе, обычно инфантильный Влад, проявил настойчивость!

Я пыталась вырвать руку, но к моему удивлению, мне это не удалось.

– Да, постой же ты наконец! – рявкнул он, чем поверг меня в очередной шок.

– Отпусти, – грозно произнесла я, но должного эффекта на него это не произвело. Еще бы, слушать трехэтажный мат подстреленных бандитов и вытаскивать тем временем из них пули, это занятие не для слабонервных.

– Ты нужна, Антону. Нужна как никогда! Но опять сбегаешь! Ты не устала бегать от проблем? Ты как страус прячешь свою голову в песок. Твоему мужу нужна помощь, а ты ведешь себя как законченная эгоистка!!! – все это он проорал на одном дыхании, пытаясь повернуть меня к себе лицом.

Я в отчаянии плюхнулась на дорогу, понимая, что он прав.

– Я устала, Влад, – простонала я, – Я так устала от всего, а теперь еще Антон смотрит на меня как на врага.

– Лен, – он заглянул мне в глаза, присев на корточки воз-

ле меня, – Сейчас не время для паники, ему поможешь только ты. Память он потерял не навсегда, это временно, и насколько быстро он все вспомнит, зависит от тебя. Проблема усложняется, тем, что вам нельзя сейчас домой, а там бы выздоровление пошло бы быстрее, но ты не должна его бросать. Потерпи, пожалуйста, потерпи.

Я кивнула.

– Влад, ты настоящий друг, возможно, единственный.

Мы вернулись в клинику, всю дорогу обратно к палате он поддерживал меня за руку, то ли боялся, что я упаду, толи того, что сбегу. Но в палату я зашла одна. Антон лежал и настойчиво разглядывал потолок. Я не нашлась, что сказать, я не знала, как мне теперь вести себя, меня никто не проконсультировал как вести себя с больными амнезией.

– Зачем пришла? – он равнодушно посмотрел на меня, а я вздохнула.

– Я хочу помочь тебе все вспомнить, Влад сказал, что тебе нужна знакомая обстановка, но мы не можем сейчас вернуться домой.

– Почему?

И я рассказала ему все то, что знала сама. Антон смотрел на меня не просто подозрительно, а даже враждебно.

– Если я такой... гм... крутой бандит, – он усмехнулся, – То, по логике, ты не должна быть в курсе дел. Но ты знаешь. Я не верю тебе. Я не знаю, что за игру ты тут затеяла со своим другом, детка, но она мне НЕ ПРАВИТЬСЯ!

– Я и не была в курсе до прошлой недели! Пока не встрясла хотя бы какую-то информацию у Влада! – заорала я на него.

– Ага, – опять усмехнулся он, – А Влад – значит доктор и по совместительству друг.

Я понимала, как это выглядит со стороны, но мне, во что бы то ни стало, нужно было вернуть прежнего Антона.

– Пожалуйста, поверь мне, наш сын очень скучает по тебе, он постоянно про тебя спрашивает... – я замолчала не зная, что еще сказать.

– А ты? – на меня смотрели насмешливые глаза.

– И я по тебе скучаю. Очень.

– Ладно, – пожал плечами Антон, – Я устал, мне нужно немного отдохнуть.

Не произнося ни слова, я вышла из палаты. Рядом с палатой стоял Влад.

– Как все прошло?

– Никак, – я тяжело вздохнула, – Он не просто ничего не помнит, он и ничего не чувствует. Как это возможно, ведь чувства невозможно забыть! Он с таким равнодушием и призранием со мной общается! Если только он... ничего ко мне и не испытывал никогда, – в горле встал ком, а в голове воцарился хаос.

– Скажи мне, когда это все закончиться?

– Потерпи еще месяц, недолго осталось.

– *Моя семья страдает...*

– *Синица, не будь дураком! Если плюнешь сейчас на все, твоя семья пострадает еще больше.*

– *А если не поможет. ... Если они все равно решат... Черт, я даже думать об этом не могу, не то, что говорить.*

– *Успокойся, Антон, я слежу за твоей женой и сыном, с ними все будет в порядке.*

– *Я устал лгать им. Ленка смотрит на меня умоляющими глазами, а я смеюсь над ней, если бы я мог объяснить ей, что это игра.*

Я устала. Я безмерно устала от беспроглядности нашего будущего. Антона выписали три дня назад, мы много разговаривали, я рассказала все хорошие моменты нашей с ним жизни, благополучно опустив плохие. Но ответом мне была либо равнодушная тишина, либо насмешка. Я даже включила вход «тяжелую артиллерию» – одела красивое белье, включила музыку, зажгла свечи... Он рассмеялся, заявив, что не прочь переспать, даже если это входит в мои коварные планы. Влад успокаивает меня и говорит, что все скоро нормализуется. Когда это «скоро» будет?

– Почему ты не рассказала о плохих моментах в нашей с тобой жизни? – раздался голос Антона.

Я замерла и посмотрела на него с надеждой в глазах

– Ты что-то вспомнил?

– Нет. Наверное, логично если у нас были не только хоро-

шие моменты? – я уже начала привыкать к его насмешливо-му тону.

– Да, не только.

– Рассказывай.

– Какой смысл? Ты все равно не веришь тому, что я говорю, – я небрежно повела плечами.

Антон ухмыльнулся и ничего больше не сказал.

Мы спали в разных комнатах, я очень давно спала одна и с непривычки постоянно ворочалась и не могла заснуть. Вот так и в эту ночь сон не шел ко мне. Завибрировав, мой телефон осветил комнату и сообщил о приходе смс-сообщения. Я посмотрела на часы: первый час ночи. Кляня, на чем свет стоит отправителя сообщения я нехотя взяла телефон и начала читать. Номер телефона был незнакомым.

«Ты в опасности. Приезжай на дачу Сизова, прямо сейчас. Поверь, это в твоих интересах. Ян»

Меня охватила дрожь, не от известия об опасности, об этом я догадывалась, а от того, что придется увидеть Яна, словам которого я не верила, и тем более Сизова. Надеется, что Ян будет один, было бы глупостью. Они что-то знают. Они знают, что я знаю. И сейчас, когда Антон в принципе беспомощный ребенок против них, у них появился шанс расправиться с ним с помощью меня и, возможно, сына. Но об этом я даже думать не могла.

Наспех одевшись, я потихоньку прокралась к двери и бесшумно вышла из уютной квартиры, любезно предоставленной Владом на время.

Я хотела вызвать такси, хотя понятия не имела где эта дача точно находится, так в общих чертах. Тут мне просигнализировал светом фар черный ниссан. Сразу сообразив, кто это я неуверенной походкой побрела к машине. Через десять минут я была на даче Сизова, ужасно злая, что из-за тонировки стекол, я не смогла разглядеть, куда мы едем, хотя вряд ли мне это удалось бы и без нее – ночь беспроглядная. Почему я решила ехать? Возможно, потому, что еще надеялась, что еще смогу оказать влияние на Яна.

Шикарный особняк, куча охраны и Ян стоящий по среди двора – вот такая картина предстала у меня перед глазами. Он указал моим охранникам на беседку и сам двинулся в ее сторону.

– Самому не судьба была приехать, нужно было своих сторожевых псов посылать? – сразу же съязвила я, как только в беседке мы остались одни.

Он смотрел на меня без тени улыбки, и даже злости не было. Одно сожаление. О чем?

– Как ты могла выйти замуж за эту тварь? – с отвращением бросил мне он.

Мне стало вдруг жаль его, себя, Антона, всех нас. Мне захотелось все объяснить ему, чтобы он понял... Но разве смог бы он простить?

– Опять молчишь, – заключил он, – Ты всегда молчишь. Молчишь тогда, когда тебе больно, молчишь тогда, когда нужно говорить.

– Что ты хочешь от меня услышать, – устало проговорила я, – Что мне жаль, что у нас ничего не получилось, что мне жаль, что я не сказала все сразу, всю правду? Да мне жаль, но это ничего уже не меняет.

– Да, ничего не меняет, – словно эхо повторил за мной Ян и тут же его взгляд стал равнодушным.

– Доброй ночи, Леночка, – услышала я красивый мужской голос позади меня. К нам в беседку направлялся невысокий плотно сложенный мужчина в годах. По властной походке и на уровне интуиции я поняла, что это и есть Сизов.

– Здравствуйте, Владимир Анатольевич, – пролепетала я и неуверенно подала ему руку для пожатия.

– Мне очень жаль, что я не познакомился с вами раньше, дела не ждут, понимаете ли, – произнес он также дружелюбным тоном.

А мне то как жаль, прямо аж всплакну сейчас!

– Спасибо, что нашли время пообщаться со мной, Владимир Анатольевич, – я улыбнулась ему самой доброй улыбкой, на которую была способна. Сизов ответил мне не менее «искренне».

– Не стоит благодарности, ведь у нас сейчас с вами можно

сказать одно дело. Я так понимаю, что вы уже в курсе некоторых дел, и это кое-кого очень сильно расстроило...

– Давайте напрямик, Владимир Анатольевич, я не маленькая девочка, не расплачусь, и удара сердца вы от меня тоже не дождетесь, – я была сама удивлена тоном высказанного мной, видимо, это от страха. На лице Сизова скользнуло изумленное выражение, но он тут же взял себя в руки.

– Антон нарушил одно из негласных правил, – поморщился он, – Не болтать...

– Он ничего мне не рассказывал, Владимир Анатольевич, – перебила я его.

– Это уже не имеет значения – кто вам рассказал, теперь это факт и многим он не по душе, я думаю мне не нужно продолжать для того, чтобы вы поняли, чем это может вам грозить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.